

А.Ж. Д. РАЙНХАРТ

КОРОНА ТРЕХ

ПРОКЛЯТЫЙ КОРОЛЬ

Дж. Д. Райнхарт
Проклятый король
Серия «Корона трёх», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7642731
Корона трёх. Проклятый король : роман / Дж. Д. Райнхарт; пер.
с англ. И. Шацкого: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-089790-2*

Аннотация

Королевство Торонию охватила гражданская война. Король Брутан держит своих подданных в ежовых рукавицах, сея вокруг жестокость и страдания. Единственной надеждой королевства становятся дети Брутана – тройняшки, спасенные от отцовской жестокости еще во младенчестве. Пророчество гласит, что только они способны свергнуть короля, но путь перед ними лежит непростой. Смогут ли они вернуть в Торонию спокойствие и благодать?..

Читайте приключенческую фэнтези-сагу о любви, преданности и настоящей дружбе.

Содержание

Пролог	5
Действие первое	18
Глава 1	18
Глава 2	28
Глава 3	39
Глава 4	48
Глава 5	60
Глава 6	72
Глава 7	90
Глава 8	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Дж. Д. Райнхарт

Корона трех

Книга I: Проклятый король

Особая благодарность Грэму Эдвардсу

Посвящается Й. К.

В Торонии, где будут править трое,
Давно уже бушует злая буря.
Властитель песни сладкие поет,
Но люди стонут под его пятою.
Пролито слишком много чистой крови
В проклятый и бесчестный век.
Когда взойдут три новые звезды,
Спасется королевство наконец.

Под юным светом, льющимся с небес,
Наследников к нам приведет судьба.
Они непознанную силу призовут,
Они покончат с деспотом жестоким.
Все трое разом на престол взойдут
И настоящий мир нам принесут.

— Гриндон, первый чародей Торонии

Пролог

Мелькиор стоял во внутреннем дворе замка Тор, обратив изборожденное морщинами лицо к небу. Мириады звезд горели над ним. Их свет был холодным и древним, но глаза Мелькиора были старше.

Давным-давно, когда еще не родились звезды, небо было бесплодным и пустынным. Под его сенью землю и море наполняли темнота и удивительная магия.

Давным-давно все было другим.

Мелькиор закрыл древние глаза и попытался представить времена, что давно миновали, и места, которых никто из живущих ныне никогда не видел. Но память подвела его. Прошлое ушло безвозвратно.

«Даже волшебник всего не упомнит», – подумал он.

Когда Мелькиор открыл глаза, небеса изменились.

Прямо над его головой в обрамлении зубчатых каменных стен замка сияли три звезды. Первая мерцала слабым зеленоватым светом, вторая – красным, третья – золотым. Каждая из них была ярче любой другой звезды на небе. А вместе они составляли небольшое треугольное созвездие – словно чудесное драгоценное украшение во мраке.

– Пророчество, – прошептал Мелькиор.

Его сгорбленная спина распрямилась. Груз долгих лет упал с плеч. Скрюченные пальцы сжали посох. Он повернул-

ся и побежал к ступеням башни, а его поношенный желтый плащ развевался за спиной как крылья. Он пулей пронесся через кухню. В дверном проеме, залитом теплым оранжевым отсветом очага, застыл слуга, собираясь выплеснуть помои. Когда мимо него промчался седовласый волшебник, юноша от неожиданности выронил медный котелок, и тот с грохотом покатился по каменным плитам.

Перемахивая через две ступеньки, Мелькиор поднимался по лестнице, которая обвивала центральную башню замка. Его босые ноги шлепали по узким каменным ступеням.

Преодолев три этажа, сквозь проход он устремился вглубь башни. Ряд запутанных переходов привел его внутрь замка. Темные коридоры были безлюдны. Армия короля Брутана сражалась с повстанцами в Ритерли, и в замке Тор почти никого не осталось. Мелькиор пробормотал заклинание, и на конце его посоха вспыхнул холодный огонь, освещая путь.

Поднырнув под низкую арку, волшебник направился в широкий круглый зал, из которого поднималась винтовая лестница. Под нею на покосившемся деревянном столе горели три сальные свечи. Совпадение или еще один знак?

В совпадения Мелькиор не верил.

– Эй! Кто идет? – дремавший на скамье пузатый охранник приподнялся с места. – Вам нельзя видаться с Калией. Я получил приказ.

Не останавливаясь, Мелькиор взмахнул посохом, огонь на вершине которого превратился в круг света. Описав петлю,

свет плотно охватил голову стража сияющим ореолом. Как только он коснулся лба толстяка, глаза того закатились и он рухнул на пол.

Мелькиор выглянул в окно. Три звезды по-прежнему были отчетливо видны. Вероятно, охранник на них и не посмотрел, но рано или поздно кто-нибудь заметит и поднимет тревогу.

Мелькиор прожил на свете больше лет, чем мог сосчитать, но еще никогда время не казалось ему таким ценным. Он преодолел двести десять ступеней до комнаты Калии. Счет ступенькам он вел, не задумываясь. Для Мелькиора вся магия заключалась в числах. Измерь мир – и станешь его хозяином. Это волшебник знал наверняка и изучал всю жизнь, но ему было хорошо известно и другое: заклинания – не единственный способ получить власть.

В магии гораздо больше силы, чем в обычных числах.

Лестница упиралась в прочную дубовую дверь. Мелькиор с грохотом распахнул ее и оказался в просторной комнате с высоким потолком. В очаге плясали языки пламени, стены были увешаны гобеленами. Через коридор, где стоял полированный стол с единственным стулом, он прошел в спальню – кровать с балдахином была задрапирована шелком.

На кровати сидела женщина. Ее лицо раскраснелось, а длинные, рыжие с золотым отливом волосы спутались и слиплись от пота.

– У них глаза их отца, – сказала она.

Мелькиор замер на месте. Он опустился на колени рядом и положил посох на покрывало. Огонь на конце посоха угас. Дыхание волшебника было тихим и спокойным, словно он не бежал только что через весь замок.

– Тройня, – произнес он.

– Да, – ответила Калия.

Перед ней на кровати лежали три свертка. Их можно было принять за белье, что принесли из прачечной. Но обмануть Мелькиора было непросто.

Он наклонился вперед, размотал фланель и принялся внимательно изучать содержимое свертков. В каждом из них обнаружился новорожденный младенец. Все дети были румяными, как их мать, с рыжими волосами, отливавшими золотом, – точь-в-точь как у нее. А глаза их были черными, как ночное небо.

– Пророчество, – Мелькиор указал на окно, за которым только совсем недавно взошли три звезды.

– Все время, что я носила их, я постоянно твердила себе, что оно не сбудется, – сказала Калия. – Даже сейчас я с трудом в это верю.

– Это не имеет никакого отношения к вере, – тихо произнес Мелькиор. – Это судьба. Тысячу лет Торония знала только войну, – он распростер руки над малышами, – и вот здесь, перед нами, – наконец надежда на мир.

– Но отослать их прочь... Мелькиор, это так тяжело.

– Судьба не щадит нас, Калия, – он ткнул пальцем в окно. Звезды уже стояли в зените. – Три звезды и трое детей, как и было предсказано. Калия, король тоже увидит звезды. Я уже не смогу утаить от него твоих детей.

Убитая горем Калия повернулась к новорожденным.

– Я только что привела их в этот мир. Как я могу позволить им уйти?

– Если не дашь мне забрать их, дети умрут.

Слова попали в цель. Мелькиор ненавидел себя за жестокость.

– Но если мы не будем действовать быстро, все потеряно.

– Он не сделает этого, – сказала она.

– Сделает. Ты знаешь лучше, чем кто-либо другой, о чем говорит пророчество. У короля родится тройня. Они убьют своего отца и будут править вместо него. Только тогда, когда они взойдут на трон, Торония познает мир, – он указал на младенцев. – Как думаешь, что сделает король Брутан, когда увидит их? Полагаешь, они доживут до рассвета?

Калия вцепилась в руку Мелькиора.

– Тогда и меня возьми с собой!

– Калия, я...

Снаружи на лестнице загрохотали шаги. Послышался лязг мечей, задевающих каменные стены. Прогредел голос, который нельзя было перепутать ни с чьим другим.

– Король Брутан здесь! – Мелькиор послал беззвучное проклятие. Они потеряли слишком много времени и оказа-

лись в ловушке – другого выхода из покоев не было.

Старый волшебник схватил посох, и его чуткие пальцы пробежались по рунам, вырезанным на истершейся за века поверхности. Они исполняли танец, играли на посохе, как на музыкальном инструменте, хотя не раздавалось ни звука. Мелькиор держал ритм своей безмолвной песни, надеясь закончить ее вовремя.

В опочивальню шагнули четыре человека в бронзовых доспехах Королевского легиона. Едва они вошли, как пятый мужчина, выше и шире остальных, силой проложил себе путь между ними. Из одежды на нем была лишь ночная рубаша, а его черные волосы и борода были всклокочены, но все равно король Брутан выглядел величественнее любого из своих солдат.

Калия ахнула и вцепилась в ворот своей пропитанной потом сорочки.

– Брутан! – вскричала она. – Я могу объяснить...

– Объяснить? – голос Брутана загрохотал в опочивальне. – А это ты сможешь объяснить?

Он указал на окно, за которым три звезды поднялись уже совсем высоко. Калия ничего не ответила. Король шагнул к кровати. Его широкий лоб покрылся испариной. Черные глаза распахнулись и налились бешенством.

– Ты солгала. Ты сказала, что ребенок будет один. Но знаменья не лгут.

Он наклонился над тремя свертками. Калия попыталась

удержать его руку, но король грубо отшвырнул ее. Она навзничь упала на кровать, захлебываясь рыданиями. Брутан взялся за одеяльце, которым был укутан первый младенец, и развернул его.

Уставившись на то, что открылось его взгляду, король хмыкнул.

Он приоткрыл второй сверток и хмыкнул снова.

Брутан медленно разматал третий крошечный фланелевый сверток и долго и пристально вглядывался в то, что оказалось перед ним.

И снова хмыкнул.

Мелькиор сделал шаг вперед. В руках он держал посох, аккуратно сжимая пальцами.

– Как видите, сир, – сказал он, – дети не были предназначены для этого мира.

Теперь все могли убедиться, что на кровати лежат три новорожденных младенца. Ручонки вывихнуты. Кожа посинела и сморщилась. Глаза закрыты. Крохотные тельца неподвижны – ни звука, ни вдоха.

– Мертвы? – спросил Брутан. Подняв голову, Калия закричала. Мелькиор поклонился.

– Мертворожденные, – ответил он. – Вот почему меня сюда позвали – узнать, не поможет ли моя магия. Увы, слишком поздно.

– А предсказание? – спросил Брутан.

– Не сбылось.

Последовало долгое молчание, нарушаемое только рыданиями Калии, которая припала к мертвым детям. Затем Брутан рассмеялся.

– Не сбылось! – завопил он. – Не сбылось! Случалось ли что-либо прекраснее, а, чародей? Ну же, случалось?

– Нет, – ответил Мелькиор. – Этот миг действительно прекрасен.

Брутан схватил Калию за волосы, дернул так, что голова запрокинулась, и впился в ее губы поцелуем. Когда же она попыталась вырваться, король с силой обернул ее длинные пряди вокруг ладони. Калия закричала. В конце концов Брутан оттолкнул ее.

– Если ты когда-нибудь солжешь мне снова, – прошипел он, – я сожгу тебя, как ведьму.

Он указал на детей:

– Уберите их от меня как можно дальше. Это приказ. Ты понял, чародей?

– Вполне, сир, – отозвался Мелькиор.

Как только Брутан и его легионеры ушли, Мелькиор ослабил хватку на посохе. Горячая древесина остыла. Что-то похожее на выдох пронеслось по спальне, хотя воздух не шелохнулся.

И сразу же кожа детей порозовела, разгладилась и стала такой, как у всех здоровых младенцев. Легкие наполнились воздухом, одна за другой крохотные грудные клетки заколыхались. Открылись глаза, а за ними и рты.

– Тише, – сказал Мелькиор, взмахнув рукой. – Не плачьте, малыши. Не плачьте.

Младенцы примолкли. Три пары черных глаз изумленно и бесстрашно уставились на волшебника. Калия схватила детей в охапку и прижала к груди, по ее щекам текли слезы.

– Прости меня, – сказал Мелькиор, – это был единственный способ.

– Это лучшее из того, на что мы только могли надеяться, – сквозь рыдания с трудом выдохнула Калия. – Он думает, что пророчество появилось и исчезло. Теперь они будут в безопасности? Только...

– Да?

Калия печально посмотрела на новорожденных. Они пристально следили за ней.

– Ты прав. Я не могу поехать с ними. Если я это сделаю, Брутан поймет: тут что-то не так. Он отправится за мной и...

– Как же ты поступишь?

Взгляд Калии стал жестким. Мелькиор ощутил исходящую от нее силу и понадеялся, что хотя бы часть ее передалась детям. Сила им понадобится.

– Теперь это уже не мне решать. Дело за тобой, Мелькиор. Забери их. Отправь их как можно дальше. Отправь их туда, где Брутан никогда их не найдет.

Она подняла первого ребенка, мальчика, и поцеловала его в лоб.

– Ты будешь Тарланом, – прошептала она. Слегка дрожа-

щим руками она передала его Мелькиору.

Второго младенца, девочку, Калия поцеловала в щеку:

– Элоди, доченька моя.

Последним в тройне был мальчик. Калия притронулась губами к его носу:

– А твое имя – Агальфус.

Когда Мелькиор надежно укрыл малышей под своими просторными одеждами, из глаз Калии снова хлынули слезы.

– Я нарекаю вас этими именами, мои любимые, – заговорила она. – Это все, что я могу вам дать. Простите меня. Ни одно дитя не заслуживает вашей судьбы. Будьте сильными, все трое, оставайтесь верными себе. Я надеюсь, что однажды мы сможем... – Она отвернулась, не в силах продолжать.

– Моя госпожа? – произнес Мелькиор.

– Иди, Мелькиор. Иди, пока я не передумала! И он послушно удалился.

* * *

Массивная южная стена замка Тор выступала темной громадой на фоне светлого утреннего неба. Мелькиор проскользнул в тени боковой будки привратника – этим входом в замок пользовались реже всего – и направился к трем мужчинам, восседавшим на лошадях.

Они пристально смотрели на узкую башню, подымавшуюся в юго-восточном углу замка. Над ее вершиной вился жел-

тый дымок. Это все, что осталось от сигнального огня, который Мелькиору пришлось зажечь, чтобы вызвать всадников. Подать сигнал и остаться незамеченным – трудная задача. Ждать рассвета и прибытия подмоги было мучительно.

Судьба жестока.

Все трое, как один, оторвались от сигнального огня и обернулись к Мелькиору.

– Мы готовы, – сказал первый мужчина.

Коренастый, крепкий – даже шире в плечах, чем король Брутан, – он сурово хмурился. Но глаза под насупленными бровями выглядели добрыми.

Без единого слова Мелькиор освободил из-под своих одежд маленький белый сверток и передал его мужчине.

– Я отвезу мальчика к себе домой в Яласти, – сказал всадник. – Холод сделает его сильным.

– Хорошо, капитан Леом, – произнес Мелькиор. Он вручил второй сверток высокому мужчине, который сидел верхом на боевой лошади с лоснящейся серой шкурой. – А вы, лорд Вайсерин?

– Она будет членом моей семьи, – ответил Вайсерин, – и ни в чем не будет нуждаться.

Мелькиор передал третьего ребенка последнему всаднику, седовласому рыцарю в изрядно побитых доспехах. Его старый конь был покрыт шрамами.

– Вы убережете его, сир Брэкс?

– Я знаю одну таверну, – сказал старый рыцарь, – в глуби-

не Исурийских лесов. Мальчика не найдут.

Три наездника повернули коней и поскакали навстречу заре. Дорога, становившаяся все шире, уводила их из замка через величественный Идиллиамский мост в простиравшееся за ним королевство.

Мелькиор смотрел, как их фигуры уменьшаются и сливаются в одну движущуюся точку. Когда всадники достигли дальнего конца моста, каждый выбрал свой путь, и точка разделилась на три. В воздухе плотной стеной висела пыль из-под лошадиных копыт. Когда она осела, трое мужчин уже скрылись из виду.

На Мелькиора навалилась усталость. Он снова почувствовал себя старым, дряхлым и опустошенным.

– Правильно ли я поступил?

Он надеялся, что принял верное решение.

В Торонии тройни были редкостью. Если бы дети остались вместе, рано или поздно Брутан обнаружил бы их, и все было бы потеряно. Расти в разных уголках королевства – их единственный шанс. Если они выживут, глядишь – и судьба снова сведет их.

И в конце концов вместе они смогут взойти на престол.

Мелькиор устало побрел обратно по дороге к замку. Прежде чем войти в ворота, он долго-долго всматривался в небеса. Почти все звезды потускнели. Но те три, что не были похожи на остальные, продолжали сиять.

– Вы единственная надежда Торонии, – прошептал он и

вошел внутрь.

Действие первое

Тринадцать лет спустя

Глава 1

Гальф смотрел на толпу. Его окружал океан лиц. На одних застыло выражение любопытства, на других – скуки. Здесь, должно быть, сотни зрителей, а может, и тысяча, все разодеты в такие пышные одежды, каких Гальфу никогда не доводилось видеть. Они заполнили места на ярусах Парадного зала Торонии. Гальф часто мечтал о том, чтобы сыграть перед такой большой аудиторией, но никогда не мог себе пред-

ставить, что это случится, когда он будет пленником короля.

Он жадно вдохнул, и его пустой живот отозвался урчанием – от подносов, что разносили слуги, исходил густой запах жареной свинины. Он прислушался к тихому гулу публики: королевские гости перешептывались, нетерпеливо возились на своих местах и обмахивались веерами – в зале было жарко. Он смотрел на пылинки, витавшие в лучах света, который пробивался через позолоченные окошки на крыше. Разве можно сделать стекло из золота? Гальф не знал.

– Пошевеливайтесь! – приказал голос с верхнего ряда.

«Как будто у нас есть выбор», – подумал Гальф.

Он низко поклонился, согнувшись в три погибели, так что его нос коснулся левого башмака. Подождал, пока по толпе прокатится волна удивления. Затем выпрямился, сделал паузу и перегнулся уже назад. На этот раз зрители ахнули. Позвоночник Гальфа сложился, словно в нем не было костей. Ухватившись руками за лодыжки, акробат просунул голову между ног и заставил себя улыбнуться своей самой широкой улыбкой.

Хотя его тело было перекручено самым невозможным образом, Гальф просеменил по усыпанному песком полу от края до края. По пути он прошел мимо Пип, которая жонглировала яблоками и грушами, перепрыгивая с ноги на ногу. Когда Гальф обходил ее по кругу, она подмигнула ему, но в ее карих глазах безошибочно угадывалась грусть. Другие актеры труппы «Древопуты» смотрели на нее и хлопали в ла-

доши. Шут, Кривопузый Джон, сделал еще один шаг, стоя на руках и звеня колокольчиками, привязанными к лодыжкам.

Толпа аплодировала. Когда Гальф вернулся в центр зала, многие зрители уже повскакивали с мест. Он уперся руками в пол и перекинул ноги через голову. Приняв вертикальное положение, он снова отвесил поклон – на этот раз в сторону королевской ложи.

Короля Брутана и королеву Магритт в их малиновых одеяниях нельзя было не узнать. Король бесстрастно поглаживал бороду, а королева склонила голову, и вместо улыбки на ее лице Гальф уловил, как ему показалось, неодобрение.

На солнце набежало облако, и золотистый свет померк. Внезапно Гальф увидел Парадный зал таким, каким он был на самом деле: когда-то величественные палаты состарились и обветшали. Краска на массивных колоннах облупилась, а кое-как залатанная одежда некоторых слуг давно требовала починки.

Может, замок Тор и был сердцем королевства. Но это сердце порядком поизносилось.

В королевской ложе сидел человек, которого Гальф предпочел бы никогда не видеть – генерал Элрик. Этот напыщенный вояка с хитрым, как у куницы, лицом едва не лопался от гордости, что занимает место рядом с королем и королевой. Он пользовался любой возможностью перемолвиться с ними хоть словом и, похоже, совсем не замечал, что они открыто его презирают.

Элрик и привез «Древопутов» в Идиллиам. Устав от войны, он явно обрадовался, когда обнаружил Гальфа и его друзей, бродячих артистов, выступающих перед солдатами Брутана в Исурийских лесах неподалеку от замка. Он пообещал им богатства, обильный стол, теплый кров и защиту короля.

На деле все оказалось иначе. Генерал Элрик представил труппу королю как военный трофей, а затем показал им их новый дом – одну промерзшую каморку на двенадцать человек. Нелегко было жить на колесах, спать под забором, постоянно думать о том, где бы раздобыть ужин, или о том, что какой-нибудь бродяга-головорез перережет тебе горло. Но, как считал Гальф, свобода с лихвой искупала все эти трудности.

На бис Гальф сделал несколько обратных сальто. Толпа ревела. После каждого вращения он останавливался и гнул спину в очередном поклоне, задействуя так щедро отпущенную ему гибкость... и пользуясь случаем еще раз взглянуть на королеву Магритт.

Каждый раз, когда он смотрел на нее, выражение ее лица становилось все более жестким.

Пяльтесь на меня сколько угодно. Я к этому привыкла.

Многие считали акробатический талант Гальфа чем-то вроде уродства – как и его глаза навывкате, и горб на спине. Но тут был другой случай.

Королева смотрела на него настолько пристально, что Гальф споткнулся, когда делал последнее сальто. Одна нога

зацепилась за другую, и он рухнул на спину, подняв облако пыли. По зрительским рядам прокатился смешок.

Королева Магритт поднялась со своего кресла. Ее кулаки были сжаты. На щеках выступили красные пятна, горевшие как маяки на бледной коже. Король было потянулся, чтобы усадить ее на место, но она оттолкнула его руку.

– Уберите его с глаз моих долой! – завизжала она, указывая прямо на Гальфа. Толпа тотчас же смолкла. Гальф в недоумении глядел на королеву, пока эхо разносило отголоски ее слов по Парадному залу.

– Это... это мерзкое чудище принесет королевству только лишь несчастья.

– Но, Ваше Величество... – генерал Элрик привстал, но король силой усадил его, а затем обратил свой взор к королеве, насмешливо изогнув густую бровь.

– Сфера небесная! – воскликнула королева Магритт. Среди публики раздались изумленные крики. Жестом она призвала к себе группу легионеров. – Взять его. Взять его прямо сейчас. Я не хочу больше видеть его ни секунды!

Солдаты двинулись к Гальфу; а тот смотрел на потрясенные лица своих друзей.

– Им тебя не забрать! – выкрикнул Кривопузый Джон.

– «Древопуты» будут вместе, – воскликнул Виллум, ясноглазый волынщик. Он побежал к Гальфу; после секундного колебания другие актеры последовали за ним. Пип, жонглерша, оказалась ближе остальных к Гальфу. Она взяла его за

руку и помогла встать на ноги.

– Что такое «сфера небесная»? – изумленно спросил акробат.

– Не знаю, – Пип обняла его. – Я не позволю им увести тебя, Гальф!

Но легионеры опередили его друзей. Пип тут же грубо отеснили в сторону. Пока солдаты окружали Гальфа, Пип лупила их по спинам. Остальные артисты застыли на месте, не решаясь сопротивляться такой силе.

– Назад, – закричал Гальф, беспокоясь о безопасности Пип. – Вы не сможете мне помочь!

– Нет, я смогу! – возразила Пип.

Она бросилась через арену к королевской ложе. Резко затормозив, она с разбегу кинулась на колени перед Брутаном.

– Пожалуйста, сир, прошу вас, – взмолилась она, – будьте милосердны к моему другу. Он только хотел развлечь вас. Он не сделал ничего плохого.

Король с улыбкой наклонился вперед:

– Ты столь преданна такому уродливому существу, – его усмешка превратилась в оскал. – Знаешь, что случается с маленькими девочками, которые сомневаются в справедливости королевских приказов?

Через головы обступивших его солдат Гальф с ужасом увидел, как один из легионеров ударил Пип в грудь тупым концом своего копья. Та навзничь упала на песок.

– Оставьте ее в покое! – закричал Гальф, пытаясь про-

рваться сквозь строй легионеров. – Отправляйте меня куда угодно. Но только оставьте в покое моих друзей!

Руки легионеров сомкнулись на запястьях и плечах Гальфа. Пока он тщетно пытался вырваться, королева Магритт делала знаки высокому седовласому мужчине в бронзовых доспехах Королевского легиона.

– Капитан Оссилиус, – позвала она, – подойдите. Публика замолкла, тем временем королева что-то шептала легионеру. Перестав сопротивляться, Гальф ждал. Он чувствовал, как гулко стучит в ушах кровь.

Когда Магритт закончила говорить, капитан Оссилиус кивнул и направился к Гальфу. Солдаты отступили, оставив беззащитного Гальфа стоять в одиночестве.

– Будешь противиться мне, парень? – спросил капитан Оссилиус.

Гальф посмотрел в глаза старому вояке, который выглядел усталым и слегка печальным. Перевел взгляд на Пип, которой помог подняться Кривопузый Джон. Пара солдат маячила рядом с ними.

– Нет, сир, – ответил акробат, не имея ни малейшего понятия, почему все так происходит. Одно было ясно: для спасения своих друзей он должен повиноваться.

– Очень хорошо, – сказал капитан Оссилиус. Вцепившись в руку Гальфа, он потащил его за собой прочь из Парадного зала. Когда они проходили мимо королевской ложи, король Брутан дал волю гневу и обрушился на генерала Элрика.

— Идиот! — взревел правитель, и генерал съежился от страха. — Как ты посмел огорчить мою королеву! Весь день на-смарку!

Слова в голове у Гальфа заглушили голос короля.

«Сфера небесная», — невольно вспоминал он, гадая, что его ждет. Слова звучали удивительно и прекрасно, но никоим образом не могли унять его страх.

За пределами замка крестьяне заполонили узкие улицы, устанавливая шаткие столы и возводя импровизированные прилавки. Капитан Оссилиус, не говоря ни слова, волок Гальфа через этот лабиринт, держа его запястье железной хваткой.

«Из таких клещей мне не выскользнуть».

Когда они проходили мимо овощного лотка, продавщица швырнула в Гальфа капустой. Кочан угодил ему в голову, на плечи оползла мягкая масса гнилых листьев. Гальф съежился — вонь была невыносимой. Он потянул своего конвоира за руку, желая объяснить лоточнице, что он вовсе не преступник, что произошла ошибка.

Тут он заметил, что не только капуста, которую бросила тетка, но и другие овощи на прилавке были гнилыми. Он заметил, что на соседнем лотке выставлена на продажу штопаная-перештопаная одежда, готовая рассыпаться в прах. Хотя Гальфа больше всего волновало собственное безнадежное положение, он все же отметил про себя, что Идиллиам не самое веселое место.

Повернув за угол, они миновали рынок и вышли в открытый двор. Здесь капитан Оссилиус остановился.

– Мы на месте, – сказал он.

Гальф недоумевал. Он ожидал увидеть что-то вроде тюрьмы, но перед ним был только лес из стволов деревьев, лишенных веток. Они возвышались посреди вымощенного булыжниками двора, словно ноги какой-то огромной твари.

– Что... – начал было он и осекся, взглянув вверх.

Стволы оказались сваями. Сверху на них громоздилось что-то вроде гигантского птичьего гнезда. Оно было достаточно большим, чтобы вместить весь Парадный зал, в котором только что выступали «Древопуты».

За сучья Гальф принял железные прутья, изогнутые и беспорядочно переплетенные. Между ними он различил неровные всполохи оранжевого пламени. Но большей частью гнездо было непроглядно темным.

– Пойдем, парень, – сказал капитан Оссилиус. Между массивными сваями шел узкий ряд ступеней, подвешенных на скрипучих канатах. Они раскачивались, пока Гальф и Оссилиус поднимались наверх. Наверху обнаружилась квадратная железная дверь. Рядом с ней располагался ряд небольших ржавых подвесных металлических клеток, каждая из которых была достаточно большой, чтобы в ней мог поместиться человек.

Капитан Оссилиус затолкнул Гальфа в одну из клеток и защелкнул замок. Вынув ключ из кармана, он открыл дверь

и исчез внутри железного гнезда.

Гальф посмотрел сквозь прутья, на которых он стоял, вниз на землю. До нее было очень далеко. Он взглянул на соседнюю клетку и увидел кучу костей.

Вот как? Его оставили здесь умирать от голода и жажды? За что? За то, что вид его изуродованного тела оскорбил королеву?

Гальф крепко зажмурился. Плакать он не станет.

Лязгнув, дверь отворилась. Кто-то возился с замком. Гальф открыл глаза и увидел, что перед ним стоит капитан Оссилиус. Гальф с надеждой взгляделся в его лицо.

– Извини, – сказал капитан, и Гальф воспрял. Значит, все это ошибка! Но Оссилиус продолжил: – Пришлось запереть тебя, пока отдавал распоряжения. Идем!

Капитан снова словно клещами схватил Гальфа за запястье и потащил через дверь в темноту. Дверь с грохотом захлопнулась, и из черноты донесся сиплый голос:

– Ну что же – добро пожаловать в Сферу небесную.

Глава 2

Волна теплого воздуха, плотного от дыма и пота, хлынула на Гальфа. Где-то в отдалении раздавались крики людей, их голоса разбивались о железные прутья, сплетавшиеся в адском вальсе.

– Что это за место? – поинтересовался он.

– Помолчи, – отозвался капитан Оссилиус, ведя Гальфа вниз по длинному извилистому коридору. Впереди разливался оранжевый свет: чем ближе они подходили к нему, тем громче становился шум.

– Это Сфера, – прозвучал тот самый низкий голос, что приветствовал акробата.

Оглянувшись, Гальф увидел невысокого толстого человека, поспешно шагавшего за ними. Огромная связка ключей позвякивала на его необъятной пояснице, а по лысине струился пот.

– Что за... – начал Гальф, но тут же умолк: они добрались до конца коридора и вошли в просторную гулкую комнату. Прямо перед ними располагался источник загадочного света – гигантская металлическая сфера, испещренная бесчисленными круглыми отверстиями, из которых выскакивали острые языки пламени. Эта странная жаровня была подвешена на толстых канатах и медленно раскачивалась, выплевывая искры на неровный пол.

Стены! Они движутся!

Прищурившись, Гальф не сразу понял, что на самом деле это вовсе не стены, а набитые людьми клетки. Затеи́ливая вязь прутьев, железная паутина, в которой сплетались в клубок руки, ноги и корчившиеся тела. Пленники Сферы небесной.

– Еще есть вопросы? – рявкнул толстяк прямо в лицо Гальфу, обдав его запахом гнилого мяса и чеснока. – Похоже, Сфера набита битком, а? Но для такого малыша здесь всегда найдется место.

Он выдернул Гальфа из рук капитана Оссилиуса и потащил его мимо жаровни к клетке, набитой стонущими арестантами, как бочка сельдями. Когда они приблизились, щуплый человек, на котором не было ничего, кроме болтавшихся вокруг пояса лохмотьев, просунул через прутья тонкую, как веточка, руку.

– Давай сюда этого уродца, – выкрикнул он, – мы за ним приглядим!

– Уродец тоще тебя, Шанкерс! – фыркнула женщина, волосы которой сбились в колтун, похожий на крысиное гнездо.

– Этот лупоглазый – все равно что лягушка, – встряла другая.

– Лягушачьи лапки на ужин, – затащил Шанкерс. – Лягушачьи лапки! Лягушачьи лапки!

Остальные пленники подхватили его завывания. Гальф

уперся пятками и попытался вырваться, но у толстяка хватка была даже крепче, чем у капитана Оссилиуса.

— Прочь от решетки! — рявкнул он. — Вы, гнусные смутьяны! Думаете, что можете выступать против королевской власти? Видели бы себя сейчас! Да от вас блевать тянет!

Толстяк поднял руки. На одной болтались ключи, а на второй повис бедняга Гальф. Ужасный жар ударил акробату в голову. Ему хотелось завопить что есть силы. Завопить и убежать. Тут он заметил, что прутья не так тесно пригнаны один к другому, как ему сперва показалось. Когда он окажется внутри, есть шанс, что он сумеет выбраться.

Только бы мне хватило сил выжить.

— Стоп! — Откуда ни возьмись возник капитан Оссилиус и встал прямо напротив клетки. С каменным лицом он посмотрел на конвоира сверху вниз. — Ты получил приказ, Блист. Так выполняй его!

Круглое лицо Блиста дрогнуло и на нем отразилась нерешительность.

— Я думал, вы шутите.

— Я никогда не шучу. И зови меня «сир».

— Но... Черная камера! Вы ведь это не всерьез! Сир. Оссилиус наклонился поближе.

— Это не моя блажь, Блист. Это приказ самой королевы. Мне передать ей, что ты не собираешься его исполнять?

— Нет, сир, — ответил Блист. Его глаза, до этого мгновения оживленно поблескивавшие, стали холодными и мерт-

выми. – Я предан королеве так же, как и капитан Легиона.

– Очень хорошо. Выполняй свой долг, тюремщик, а я буду выполнять свой.

Капитан Оссилиус повернулся на каблуках и зашагал прочь. В коридоре, ведущем к выходу, он остановился и, обернувшись, взглянул на Гальфа. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал и вышел наружу, туда, где сиял солнечный день.

– Не могли бы вы опустить меня, пожалуйста? – попросил Гальф. – У меня болит рука.

Блист поудобнее перехватил связку ключей, и на миг Гальф подумал, что тюремщик ударит его по лицу. Но плечи толстяка опустились, и он поставил пленника на пол.

– Больше ни звука, маленький уродец, – прорычал он и поволок Гальфа мимо огненного светильника в тесный туннель, закручивающийся вверх тугой спиралью. Пока они поднимались, крики затихали, а жара усиливалась. Когда они добрались до цели, все тело Гальфа стало скользким от пота.

Перед ними была низкая дверца. Не говоря ни слова, Блист выбрал на связке длинный черный ключ и вставил его в замок. Он повернул его, и с протяжным скрипом дверь отворилась. Выпустив руку Гальфа, тюремщик со всей силы пнул его пониже поясницы. Гальф кувырком полетел в дверной проем, инстинктивно перевернулся через голову и встал на ноги.

Дверь с лязгом захлопнулась. Ключ проскрежетал в замке, тяжелые шаги Блиста недолгое время отдавались эхом, пока не потонули в тюремном гоме.

Гальф медленно осмотрелся по сторонам. Комната выглядела нелепо – пол неровный, стены горбатые, но все же это была комната, а не клетка. В углу стоял стол, на котором лежали книги и свитки, рядом с ними мерцала масляная лампа.

Вверху высокий свод поддерживали железные балки; Гальфу казалось, что он попал в странную металлическую мансарду. Окон не было, только узкий луч дневного света проникал в щель на потолке. Напротив стола – кресло с расшитыми подушками и простая кровать, заваленная одеялами. На полу лежал толстый ковер.

В сумраке что-то метнулось из-за кровати – колеблющийся силуэт, увенчанный бледным лицом.

Призрак!

Зажав рот руками, чтобы сдержать крик, Гальф отступил назад, споткнулся о край ковра и чуть не упал. Фигура полностью вышла на свет, и оказалось, что это вовсе не призрак, а высокий юноша в ниспадающих одеждах из небеленого полотна. Такой бледной кожи, как у него, Гальф в жизни не видел. У незнакомца были огромные светло-голубые глаза. И он ухмылялся.

– Добро пожаловать, – произнес юноша, протягивая дрожащие руки. – Да, добро пожаловать!

Гальф отступил назад и уперся в дверь. Дальше идти бы-

ло некуда. Юноша был немного старше его и, хотя выглядел тщедушным, держался уверенно.

– Ты кто? – спросил Гальф.

– Я Нинус. Как зовут тебя?

– Гальф.

Молодой человек осклабился шире, точно безумец.

– Рад познакомиться с тобой, Гальф. Ты не представляешь, как я счастлив, что у меня снова есть компания. Я был заперт в этой камере с тех пор, как мне исполнилось шесть... – Лицо юноши вдруг исказила горестная гримаса. – ...Десять лет. Неужели в самом деле так долго?

– В камере? – удивился Гальф. – Ты называешь это камерой?

– Полагаю, могло быть и хуже, – ухмылка опять вернулась на лицо Нинуса, уныние покинуло его так же внезапно, как и посетило. – Но мне и в самом деле надоело читать одни и те же старые книги и наматывать круги по комнате.

Гальф неловко рассмеялся.

– Ну, она роскошна, как и всё здесь, – он оглядел тонкую вышивку и золотой орнамент на одеянии Нинуса. – Откуда все это? Ты что, богат?

– Да, – радостно кивнул Нинус.

– О! Ясно. Но я-то нет. Не понимаю, почему меня тоже сюда запихнули. Королева Магритт приказала сделать это, но...

– Ну а я здесь только потому, что король Брутан меня не

любит. Я не сделал ничего плохого.

– Не больно-то справедливо.

– Да. Но я ничего не могу с этим поделать.

Улыбку снова как волной смыло – казалось, Нинуса покинули все силы. Теперь он стал даже бледнее, чем тогда, когда выступил из темноты. Гальф никогда не встречал никого печальнее и несчастнее.

– Мне жаль, – сказал бродячий артист. – Должно быть, это ужасно – быть оторванным от родных столько лет.

Нинус пожал плечами.

– Я даже не помню, как они выглядят. – Он начал напевать про себя что-то похожее на колыбельную и поднес руку к лицу, поглаживая свою щеку.

Гальф поежился. Надо ли утешить его и сказать этому странному бледному юноше, что он-то знает, каково расти без семьи? Мороз идет по коже, когда представишь, что это место со временем сделает его таким же несчастным, как Нинуса.

На щеку Гальфа шлепнулась капля воды. Он посмотрел вверх на щель в балках. Дневной свет посерел – видно, облако нашло на солнце. Еще несколько капель упали на его запрокинутое лицо. Снаружи шел дождь. В сердце у него затеплилась надежда.

– Ты пытался когда-нибудь убежать? – поинтересовался Гальф.

Не дожидаясь ответа, он подошел к столу и сбросил книги

на пол.

– Эй, – воскликнул Нинус, – это мои книги!

– В мире полно книг, – сказал Гальф. – Я покажу.

Гальф взобрался на расчищенную крышку стола. Уцепившись за сплетенные прутья, он полез вверх по железной стене. Это было совсем не просто – все равно что карабкаться по стволу дерева, цепляясь только за шершавую неровную кору, но он был сильным и гибким и вскоре преодолел половину пути. Стена здесь оказалась более гладкой, и Гальфу пришлось изогнуться и до отказа вытянуть руки, чтобы уцепиться за следующую опору, – обычный человек такого бы не сделал. Каждый раз, выполняя очередной невероятный маневр, он слышал шумное дыхание Нинуса и чувствовал прилив гордости. Другие пленники называли его уродцем. Если бы они только видели, на что этот уродец способен.

Наконец акробат достиг места, где стена смыкалась с наклонным сводом. Повиснув как паук, он прижал лицо к узкой щели между балками и выглянул наружу. До него донесся запах нечистот.

Внизу тянулись запруженные людьми улицы Идиллиама. За ними, на краю города, вырисовывалась отвесная скала, известная как Высокая гора, которую Пип показала ему в день приезда.

– С ее вершины, – сказала Пип, – можно увидеть все три части королевства. Вот бы нам туда подняться!

От этого воспоминания глаза Гальфа подернулись подо-

зрительной влагой, но дождь здесь был ни при чем. Увидит ли он Пип вновь?

Рядом с Высокой горой виднелся монументальный Идиллиамский мост – конструкция из огромных камней, пересекавшая ущелье между столицей Торонии и обширными зелеными лесами Исура. Казалось, что прошла целая жизнь с того времени, как «Древопуты» въехали по этому мосту в город. Хотя произошло это всего пять дней назад. Сейчас мост давал надежду на спасение и свободу, но он был так далеко. Гальф не понимал, как до него добраться.

Шаг за шагом.

Он принялся изучать крышу. Как раз ниже щели, сквозь которую он смотрел наружу, водосточные желоба пересекались над толстой сточной трубой. Верхняя часть трубы была открытой – именно оттуда шел тошнотворный запах. Под крутым углом труба шла вниз вдоль Сферы небесной.

До самой земли.

Дверь камеры загрохотала. Со скачущим сердцем Гальф скатился вниз по стене, отпустил руки, прыжком преодолев последние несколько метров до пола. Как только он приземлился, окошко на двери открылось, и толстая рука просунула в камеру две помятые металлические миски. В одной была дымящаяся свиная отбивная, две картофелины и гора тушеной капусты. Во второй плескалась отвратительная бурая похлебка.

Не удержавшись, Гальф спросил:

– Предполагается, что мы будем драться за еду?

На уровне его глаз открылось другое окошко – оказалось, через него на заключенных смотрит Блист.

– Знай свое место, уродец, – сказал тюремщик. – У меня нет приказа обращаться с тобой по-особому. Ты же не принц?

– Конечно, не принц! – произнес Гальф, но окошко уже захлопнулось. Он повернулся к Нинусу. – О чем он говорил? При чем тут это?

К его удивлению, его сокамерник отвесил ему поклон.

– Принц Нинус к вашим услугам. Мне следовало потребовать, чтоб ты поцеловал мне руку, но, полагаю, мы уже миновали этот этап.

– Принц... Ты хочешь сказать, что ты сын?... – от удивления Гальф все слова порастерял. – Но что ты тут делаешь взаперти? Ты сказал, что это король приказал, но разве он не?..

– Мой отец? Да, он мой отец. Но еще он сумасшедший – убежден, что все вокруг собираются скинуть его с трона.

– Почему?

– Кто знает? Может быть, потому, что он и сам захватил власть силой. Когда мне было шесть, он вбил себе в голову, что я буду следующим, кто попытается лишить его короны, поэтому и запер меня. У матери – я имею в виду королеву – не было другого выбора, кроме как согласиться с этим. Но она делает все возможное, чтобы моя жизнь была сносной, –

глаза Нинуса округлились. – Вот почему ты здесь. Она послала тебя сюда, чтобы ты стал моим товарищем!

Лучезарно улыбаясь, принц Нинус обхватил Гальфа руками и обнял так крепко, что у того ноги оторвались от пола. Гальф с честью выдержал объятия. Уродливый акробат из бродячего цирка втянут в наследственную вражду королевской семьи – да от такого можно было умом тронуться! Гальф знать не знал своих отца и мать, а единственным воспоминанием Нинуса о родителях остался день, когда они упрятали его под замок.

Ничего удивительного, что он стал таким.

Все еще улыбаясь, Нинус поставил Гальфа на землю и взял миски с едой.

– Поделимся? – радостно спросил он.

Глава 3

– Черный ли...

Слова замерли на посиневших от холода губах ведьмы. Дрожь пробежала по ее телу. Одна из лосиных шкур сдвинулась в сторону, открыв костлявое запястье и руку, похожую на паучью лапу.

Тарлан поменял меховое одеяло и провел рукой по лбу старой колдуньи. Ее кожа была холоднее льда, который обрамлял вход в пещеру. Дотянувшись до стены, Тарлан сорвал с нее еще одну шкуру и накрыл неподвижную фигуру.

– Не пытайся говорить, Мирит, – сказал он. – Просто дыхай.

Он подобрал ветку и подбросил ее в огонь. На мгновение пламя вспыхнуло, но почти сразу ослабло, едва мерцая. Вскоре придется идти за дровами. Но он не может оставить Мирит в таком состоянии. Она казалась такой маленькой, такой слабой. Как ребенок.

Глядя на нее такую, Тарлан на мгновение почувствовал головокружение, как будто время замерло или сдвинулось – словно прошлое наложилось на настоящее. Не так ли выглядел он для Мирит тринадцать лет назад, когда она нашла беззащитного ребенка, брошенного на ледяных просторах Яла-сти? Когда она подобрала его, приютила, заботилась о нем, пока он рос.

Как мать.

У края очага на последних дотлевающих угольках стоял глиняный горшок. В нем была гуща от похлебки, которую Тарлан приготовил накануне вечером. Он погрузил миску в горшок и зачерпнул дымящееся варево.

Просунув свободную руку под плечи Мирит, он приподнял ее и усадил. Тарлана поразило, какой она стала легкой. Впервые ему в голову пришло, что ведьма может умереть, и эта мысль наполнила его ужасом. Те же мысли, что пришли следом, были еще ужаснее.

Заботиться о Мирит – это для него самое главное. Если она умрет, то только по его вине.

– Вот, – сказала он, прижав край миски к ее губам, – постарайся попить.

Мирит покачала головой. Она выпростала дрожащую руку из-под лосиной шкуры и оттолкнула миску с силой, неожиданной для женщины, что лежала пластом уже несколько дней.

– Черно... – начала было она и разразилась мучительным кашлем.

– Что? Что черное?

– Ли... Чернолист.

Тарлан проклинал себя за недогадливость.

– Чернолист? Ты хочешь, чтобы я его раздобыл? Это лекарство? Оно поможет тебе?

Мирит кивнула. Тарлану показалось, что он слышит, как

скрипят ее хрупкие позвонки. Он положил миску и опустил Мирит на кровать.

Потом, вскочив на ноги, схватил свою одежду и набросил себе на плечи. Голова снова закружилась. В этот самый плащ он был запеленат, когда Мирит нашла его. Сейчас Тарлан вырос настолько, что его можно было носить, не подметая подолом пол пещеры.

Нагнувшись, он поцеловал Мирит в лоб. Ее глаза были закрыты. Он прижался щекой к ее губам, чтобы убедиться, что она еще дышит, взял свое охотничье копье и вышел из пещеры.

Когда он шагнул на уступ, ледяной ветер Яласти отбросил его назад на отвесную каменную стену. Тарлан заставил себя выдержать это порыв. Он знал этот ветер всю свою жизнь и мог с ним потягаться. Плотно закутался в плащ – теплый черный бархат помогал ему бросить вызов холодной белой пустыне.

Сложив ладони рупором вокруг рта, Тарлан запрокинул голову и закричал. Его пронзительный голос прорезал бурю, как нож. Когда дыхание закончилось, он сделал паузу, вдохнул и закричал снова.

Торроды явились на третий зов.

Они слетели из-за низких облаков – будто бы ждали, что Тарлан их кликнет. Возможно, и правда ждали. Они спускались к уступу, и золотые перья на кончиках их крыльев мелко дрожали. Свет зари отражался от их огромных крючкова-

тых клювов. Длинные когти раскрывались и сжимались. Они напоминали гигантских орлов, но разума в их глазах было больше, чем у обычных пернатых.

Достигнув уступа, четыре огромные птицы принялись кружить над ним. Вожак стаи, Ситан, повернул седую голову к Тарлану. Большинство торродов были огромными, как лошади. А Ситан не уступил бы размерами и паре коней.

– Что-то не так? – спросила гигантская птица. Ее голос походил на звук трескающейся древесины.

– Мирит больна, – прокричал Тарлан на языке торродов, преодолевая вой ветра. – Ей становится хуже. Я должен принести ей чернолист. Если этого не сделаю, боюсь, – слова застряли у него в горле, – боюсь, она умрет.

– Восточный лес, – сказал Ситан, взмывая вверх и паря над остальными. Его крылья отбрасывали на уступ огромные подвижные тени.

– Китин! – позвал Тарлан.

Торрод размером с пони приземлился на уступ рядом с ним. Вытянув, как крыло, руку с открытой ладонью, Тарлан позволил Китину коснуться ее кончиком смертельно опасного клюва. У торродов это был жест доверия.

– Останешься здесь? – спросил Тарлан. – Охранять? Китин ничего не ответил, просто скакнул мимо Тарлана и занял позицию перед пещерой, его перья – полностью черные, кроме золотистых кончиков, – трепетали на ветру.

Тарлан вытянул руку и сжал кулак. Тотчас же третий тор-

род отделился от стаи и пролетел чуть ниже уступа. Точно рассчитав прыжок, Тарлан вскочил ему на спину, уселся, просунул ноги под крылья и ухватился за пышный ворот перьев вокруг шеи. Из всех торродов одна Тита была золотой от головы до хвоста.

— Это ты нашла меня в лесу, Тита, — сказал Тарлан. — Это ты привела ко мне Мирит. Ты спасла меня, а сейчас... мы должны спасти ее. Лети быстрее. Так быстро, как только можешь!

Тита понесла его, низко летя над заснеженным ландшафтом. Ситан и белогрудая Нашин летели чуть впереди, оставляя за собой мощную воздушную струю, чтобы Тите было легче нести своего седока.

Вдали от горного убежища Мирит ветер был слабее, но воздух оставался таким же холодным. Одна за другой оставались позади деревни, в которых дома были вырублены из толстых глыб льда. От бесчисленных костров поднимался дым — мужчины и женщины, жившие там, противостояли бесконечной зиме Яласти.

Темное пятно на горизонте быстро увеличивалось в размерах. Вскоре они уже летели над великими восточными лесами. Крылья Титы со свистом рассекали воздух над высокими темными соснами. Внизу их стволы были совсем голыми, но на вершине каждого широким куполом расходились ветви, поросшие длинными глянцевитыми иглами. Иглы были покрыты легковоспламеняющейся смолой, которую собира-

ли местные жители, чтобы зимой побыстрее разжечь огонь в очаге.

Тарлан пытался посмотреть вниз сквозь крону, но она была слишком густой.

– Где чернолист? – спросил он.

– Ниже, – ответила Тита. – На стволах.

– Вот там, – показала Нашин, опустив клюв. – Просвет.

Тита нырнула меж ветвями. Тарлан опустил голову и закрыл глаза, когда гигантская птица ринулась вниз сквозь листву.

Когда Тарлан открыл глаза, мир вокруг него изменился. Вместо чистого голубого неба над головой был яркий зеленый потолок. Повсюду, куда только хватало глаз, тянулись ввысь жесткие прямые стволы черных сосен. Тарлан вцепился в перья Титы, пока она прокладывала свой путь между ними. Если бы его миссия не была такой печальной, возможно, он закричал бы от восторга.

– Здесь, – сказала Тита.

За ствол особенно массивного дерева уцепилось растение, на котором были только витые усики и поникшие листья. Черные листья.

– Вот они, – воскликнул Тарлан. – Подлети ближе! Тита спланировала так близко к дереву, как только могла. Тарлан потянулся и, набрав полные пригоршни листьев, набил ими карман плаща. Они резко контрастировали с кроваво-красным подбоем.

Ситан, последовавший за Тарланом и Титой вниз сквозь купол, вылетел из-за огромного ствола.

– Люди, – прошипел старый торрод. – Много.

Взглянув вниз, Тарлан увидел цепь охотников, ехавших верхом и пробирававшихся сквозь деревья. Ехали они не на лошадях, а на лосях. Огромные рога этих величественных зимних великанов монотонно раскачивались, пока наездники вели их через сугробы. На шлемах всадников тоже красовались рога, выточенные из дерева.

– Лосиный народ, – сказала Тита.

Сердце Тарлана упало. Мирит предупреждала его об этих безжалостных охотниках, которые рыскали по лесу, не столько охотясь для пропитания, сколько гонясь за добычей и забивая ее из одного азарта.

«И люди для них тоже добыча», – мрачно подумал он.

Внизу поднялся крик. Внезапно вереница лосей развернулась веером. Лица людей были обращены вверх. Рты распахнулись в крике. Мимо Тарлана пролетела стрела, за ней другая.

– Быстрее, Тита! – закричал он. – Пора убираться. Гигантский торрод с визгом взмыл в небо.

Внизу на земле один из охотников спешил и побежал вдоль наездников с горящей головешкой, поджигая наконецники стрел, которые протягивали ему товарищи.

– Летите! – крикнул Ситан. Серебристые кончики его крыльев задрожали, когда он резко развернулся и круто по-

шел вниз, направляясь прямо к охотникам. Старый торрод стремительно бросился навстречу смертельной атаке, и горящие стрелы вонзились в крону над ним.

Покрытые смолой иглы занялись мгновенно. Огонь прыгал меж верхушками деревьев быстрее, чем Тарлан успевал уследить. За несколько секунд пышная лесная кровля оказалась охваченной огнем.

Огонь вверху. Охотники внизу. Выхода нет!

С пронзительным клеткотом Тита ударила могучими крыльями по раскаленному воздуху и помчалась сквозь деревья. Повсюду разлетались обжигающие угольки. Всякий раз, когда они попадали на перья, Тарлан их смахивал. Но деревья закрывали все пути к отступлению – Тите пришлось повернуть и лететь прямо к поджидавшим охотникам.

Когда они приблизились, один из мужчин встал на спине у лося, размахивая копьем.

– Ты приручил торродов! – завопил он. – Ведьмовское отродье! Нам их мяса на целый месяц хватит!

– Торродов никому не взять! – прокричал в ответ Тарлан, яростно потрясая своим копьем. Но слова застряли у него в горле.

Как нам выбраться отсюда?

– Сюда! – это была Нашин, которая опустилась перед задыхающейся Титой и показывала дорогу к удаленному просвету между деревьями. Три торрода устремились к нему, Ситан летел последним. Охотники пустились за ними, под-

стегивая своих лосей злобными криками и жестокими пинками. Горящие стрелы летели мимо птиц. Одни, не причиняя вреда, падали в снег, другие застревали в стволах, порождая новые пожары.

– Почти у цели! – подбодрил птиц Тарлан, когда перед ними открылся просвет. И тут позади раздался исполненный смертной муки крик.

Обернувшись, Тарлан увидел, как огромные крылья Ситана дрогнули и сложились и старый торрод перевернулся на спину. Увидел горящую стрелу, торчащую у него из груди. Ситан валился в снег, и пламя охватывало его. Когда он упал на землю, все его тело было в огне.

Тита задрожала, испустив мучительный вопль. Внизу вождя лесного народа прищипорил своего лося, перескочил через горящее тело Ситана и отвел руку с копьем, целясь вверх прямо в сердце Титы. Прежде чем Тарлан направил на врага свое копье, еще одна стрела пролетела в воздухе прямо перед Титой. Он потянул ее за перья, и она свернула в сторону. Стрела просвистела рядом с клювом, скользнув по предплечью Тарлана.

Боль пронзила его. Ослабив хватку, он соскользнул со спины Титы и рухнул на землю. Сугроб белым горбом поднялся ему на встречу, а он мог думать только о Мирит, одинокой и мерзнущей в горной пещере.

Все-таки он не оправдал ее надежд.

Глава 4

– Это совсем не тот цвет, – заметила Элоди, откладывая образчик шелка, выбранный на рыночном прилавке. – Что ты имеешь в виду? – вздохнула леди Сильва Вайсерин. – Он же синий?

– Но это не тот синий. Мне бы хотелось что-нибудь более... – Элоди нетерпеливо взмахнула рукой.

– Как небо?

– Нет.

– Как река?

– Нет.

– Тогда как что, Элоди?

– Узнаю, когда увижу! – Девочка прошла через двор замка к следующему ряду прилавков. Сильный ветер взметнул отрезки шелка и льняного полотна, и они затрепетали, словно флаги. Сильва последовала за ней.

– Как насчет этого? – спросила Сильва, указывая на рулон сапфирового цвета на ближайшем прилавке.

– Это хлопок, – сказала Элоди, скривив губы. – Разве ты не желаешь, чтобы я хорошо выглядела на званом обеде? Или хочешь, чтобы все считали лорда Вайсерина скрягой?

– Отец говорит, что, возможно, придется отменить прием, – заметила Сильва.

– Что?

Новость звучала ужасно. Званные обеды у Вайсеринов были большим, тщательно спланированным событием, о котором говорили много и повсюду. Элоди мечтала о нем уже много недель.

– Он не может так поступить. Портнихи уже готовы заняться моим платьем. У них только три дня, чтобы его сшить, и...

– Элоди, мне очень жаль. Но у отца голова занята другими вещами.

– О чем ты? – Элоди с трудом могла представить себе что-нибудь более важное, чем званый обед.

Сильва завела ее в тихое местечко между двумя прилавками.

– Никому не говори, но я слышала, как отец сказал, что королевская армия достигла долины Нортвуда.

– О, это же за много километров отсюда. В любом случае – разве у нас нет там людей, чтобы выставить заслон?

– Есть. Но отец считает, что королевские войска уже контролируют главные приграничные пути. Он полагает, что наши союзники слишком рассредоточены. – Серые глаза Сильвы смотрели серьезно. – Элоди, этим торговцам повезло, что они смогли добраться сюда. В следующем месяце, возможно, никакого рынка не будет. Кто знает, если сражение продлится дольше, сам замок Вайсеринов может оказаться в осаде.

Элоди посмотрела на стены из красного камня и зубцы, идущие поверху. Ютившиеся под ними прилавки казались

очень маленькими. Несмотря на буйство красок и несмолкающий гомон, рынок выглядел обветшалым, будто был устроен в спешке и будет снесен со дня на день. Некоторые торговцы даже были одеты в легкие доспехи. Элоди не видела такого раньше. Неужели они действительно думают, что люди короля Брутана решат атаковать несколько дощатых прилавков, наспех установленных на деревянных козлах?

– Не знаю, почему все так беспокоятся, – сказала она. – Здесь вполне безопасно. В любом случае лорд Вайсерин всегда все улаживает.

Она взяла отрез мерцающего бирюзового шелка и обернула его вокруг шеи.

– Что думаешь? Не слишком зеленый?

– По-моему, мы здесь уже слишком долго, – сказала Сильва, взяв ткань и положив ее обратно на прилавок. Торговец, который выглядел так, словно несколько дней ничего не ел, жадно следил за ними. – Отец хотел, чтобы мы вернулись до полудня.

– Я не уйду, пока не разыщу шелк. Иди домой, если тебе не нравится ходить за покупками. Компаньонка мне не нужна.

Сильва досадливо вздохнула. Несмотря на раздражение, Элоди не могла долго на нее сердиться. Сильва вовсе не горела желанием с ней нянчиться, да и сама Элоди не терпела покровительства. Ей нравилась Сильва и не хотелось усложнять с ней отношений.

«Вот бы ты и в самом деле была моей сестрой», – подумала она.

Элоди пошла вдоль ряда прилавков. Как обычно, Сильва следовала за ней тенью. Элоди сворачивала налево – Сильва туда же. Останавливалась одна – сбавляла шаг и другая.

Это приводило в бешенство.

Элоди подобрала юбки и побежала, пробираясь сквозь лабиринт прилавков. Она миновала тачки, нагруженные картофелем, морковью и сочной зеленью, собранными на обширных полях Ритерли. Большая телега скрипела под весом бесчисленных бочек, наполненных пивом и патокой. В соседнем ряду половины мясных туш раскачивались, как огромные маятники.

– Элоди! – донесся крик Сильвы. – Подожди меня! Завернув за угол, Элоди увидела, как дочка лорда Вайсерина с раскрасневшимся и обеспокоенным лицом спешит к ней, неуклюже ковыляя в изящных туфельках.

– Поймай, если сможешь! – рассмеялась она и скрылась за прилавком, заставленным оловянными кубками.

Чем дольше длилась погоня, тем более смешной и нелепой казалась она Элоди. Ее история оставалась тайной для всех, кроме членов семьи Вайсерин, но правда была в том, что она – дочь короля Брутана, и в один прекрасный день ей суждено править всей Торонией. Иначе зачем лорду Вайсерину сражаться против короны, как не за право посадить на трон свою приемную дочь? Неужели Сильва в самом деле

думает, что Элоди сбежит от такой судьбы?

Если бы они только попробовали меня отпустить, сразу бы поняли, что я хочу остаться.

Краем глаза приметив разноцветную россыпь тканей, Элоди остановилась как вкопанная. Это был еще один прилавок, заваленный тончайшими шелками – таких ей прежде видеть не приходилось. Перебирая пальцами ткань, она откладывала один рулон за другим. Этот оттенок слишком кричащий, этот слишком бледный, этот слишком темный...

– Это все, что у вас есть? – спросила Элоди у старухи, стоявшей за прилавком. Но та обслуживала высокого мужчину в элегантном наряде – по виду, придворного, – и не обратила на нее внимания. Элоди потянула торговку за одежду: – Я сказала...

– Прекрати, – услышала она голос прямо над ухом. – Перестань вести себя как избалованный маленький ребенок!

Обернувшись, Элоди оказалась лицом к лицу с разругавшейся Сильвой.

– Да как ты смеешь так говорить со своей будущей королевой?! – отрезала она. Ей хотелось поразить Сильву или даже оскорбить ее.

Что на нее нашло, почему она вообще так заговорила? И почему слова причиняли такую сильную боль?

– Тихо, Элоди, – сказала Сильва. – Следи за языком. Никто не должен знать, кто ты на самом деле.

– Следить за языком? Ах, вот как! А может, тебе лучше

последить за своим, прежде чем называть меня избалованным ребенком?!

– Избалованным ребенком? – спросила Сильва растерянно. Она казалась сбитой с толку. – Кто тебя так назвал?

– Ты. Ты сказала...

– Элоди, я ни слова не произнесла. Я просто подошла, а ты набросилась на меня. С кем ты разговаривала?

На секунду рыночный гомон смолк, оставив Элоди в облаке тишины. Кровь пульсировала в ушах. Элоди смотрела на серьезное раскрасневшееся лицо Сильвы и видела только простое беспокойство.

Но тут облако испарилось, и мир снова неожиданно на нее обрушился.

– Мне показалось, я слышу кого-то, – пробормотала Элоди.

Обратно они пошли через прилавки к южной стороне рынка, откуда пришли. Внезапно Элоди почувствовала, что устала от поисков. В конце концов, может, здешний шелк и не был так уж плох.

На ходу она тайком вглядывалась в тени между прилавками. Станный голос она слышала не впервые. Однажды она сидела в большом банкетном зале Вайсеринов, и какой-то старик стал что-то нашептывать ей на ухо. Но тут старика не было. В другой раз она слышала смех в розарии, что был устроен под ее покоем. А ночью голоса доносились из платяного шкафа.

Если Сильва волновалась из-за того, что люди узнают о королевском происхождении ее приемной сестры, то Элоди испытывала гораздо больший страх оттого, что лорд Вайсерин прознает о голосах и решит, что она сумасшедшая. А как только ему откроется правда, он отошлет ее прочь.

Разве не так поступают с душевнобольными?

Может быть, так поступила ее настоящая мать много лет тому назад, когда обнаружила, что с ее дочерью что-то не так?..

Вскоре они очутились перед тем самым прилавком, который разглядывали первым. Элоди указала на ближайший отрез синего цвета.

– Этот, – отрешенно сказала она торговке. Все ее оживление от поиска правильного оттенка как рукой сняло из-за таинственного голоса.

Пока Элоди доставала из сумочки монеты, из-за соседнего шатра показалась рыжеволосая девушка. Она была высокой и выглядела всего на несколько лет старше Элоди. Возможно, она была того же возраста, что и Сильва. Ее длинная юбка всколыхнулась на ветру, и спрятанный под одеждой короткий меч в открытых ножнах блеснул на солнце. Посмотрев прямо на Элоди, девушка подошла поближе. Элоди опустила сумочку.

– В чем дело? – спросила Сильва.

– Что-то не так, – ответила Элоди. С бьющимся сердцем она схватила Сильву за руку. – Пойдем.

Другая ее рука инстинктивно потянулась к изумруду, висевшему на золотой цепочке у нее на шее; пальцы сжали драгоценный камень, как это всегда бывало, когда она волновалась.

– Ты не собираешься покупать шелк? – поинтересовалась Сильва.

Приближавшаяся девушка откинула волосы с лица. Ее взгляд скользнул в сторону. Проследив за ним, Элоди заметила молодого человека в зеленой тунике, который юркнул за соседний шатер, где торговали элем. Когда девушка тряхнула волосами, он почти незаметно кивнул.

Внезапно прилавок с тканью откинулся вперед, отрезки материи рассыпались по земле. Шелк Элоди всколыхнулся ярко-голубой волной. Лоток с продуктами полетел кувыркком, раздались крики. Кто-то схватил капусту и бросил ее в толпу. Деревянная чаша полетела как диск. Вспыхнули драки.

Сильва сильнее сжала руку Элоди, но не удержала. В то же мгновение из ниоткуда возник толстяк и врезался в Элоди, чуть не сбив ее с ног. Когда девочка восстановила равновесие, она уже плыла в океане человеческих тел, а ее спутницы нигде не было видно.

– Сильва! – сильно испугавшись, закричала она. Элоди старалась пробиться сквозь толпу. Откуда взялись все эти люди?.. Затем она услышала звук – и вся похолодела: в нем легко угадывался лязг меча, извлекаемого из ножен.

Неужели Сильва была права? Королевская армия штурмует ворота замка Вайсерин?

– Элоди!

Мелькнуло лицо Сильвы; ее глаза были широко открыты и полны ужаса. Секундой позже она исчезла – толпа поглотила ее. Элоди расталкивала людей, пригибаясь, когда обломки пролетали у нее над головой. Но Сильва пропала.

Мужская рука схватила Элоди за запястье. Она закричала, но никто ее не слышал. Элоди рванула руку, но пальцы незнакомца сжимались все крепче. Мужчина потащил ее сквозь толпу. Девочка видела только его широкую спину, обтянутую зеленой материей.

Был ли это тот самый человек, которого она заметила за шатром?... Она пыталась сопротивляться, но незнакомец был слишком силен.

«Похитить и спасти», – подумала Элоди, вспомнив любимую игру, в которую она годами играла ребенком, когда старший брат Сильвы, Седрик, тащил их обоих через детскую в логово пиратов, сооруженное из простыней и коробок. Ей ужасно захотелось поверить, что все это понарошку, что человек впереди обернется – и окажется Седриком с его широкой улыбкой и смеющимися глазами. Но Седрик ушел на войну, а она, Элоди, больше не ребенок. И это не игра.

Они достигли края рыночной площади, где их ждал экипаж. Экипаж этот выглядел старым, колеса его были забрызганы грязью, деревянные борта исцарапаны. Но четыре бе-

лые лошади в упряжке казались сильными, бодрыми и способными проскакать через все королевство.

Когда Элоди увидела экипаж, ее снова охватил ужас. Значит, это похищение. И помощи ждать неоткуда...

– Отпустите меня, – закричала она, вновь пытаясь освободиться. – Разве вы не знаете, кто я? Достаточно испачкать мое платье, и лорд Вайсерин вздернет вас на виселице!

Пропустив эту вспышку гнева мимо ушей, мужчина открыл дверь экипажа и попытался втолкнуть девочку внутрь. Элоди широко расставила ноги и изо всех сил отпиралась. Как только ей показалось, что она побеждает, вторая пара рук уцепилась за ее талию и бесцеремонно впихнула девочку в карету. Дверца со стуком захлопнулась. Через крошечное окошко Элоди разглядела ту самую девушку с рыжими волосами. Потом подергала ручку, но та отказывалась поворачиваться. Дверь была заперта. Элоди оказалась в ловушке.

Щелкнул кнут, и карета рванула вперед. Элоди прижалась лицом к окошку и закричала:

– Позовите стражу! Меня похитили! Помогите мне! Кто-нибудь, помогите!

Промелькнули размытые непроницаемые лица. Элоди снова закричала, в этот раз без слов, просто воя от отчаяния.

Никто ее не слышал.

Поворачивая за угол к главным воротам замка, экипаж замедлился... и откуда ни возьмись появилась Сильва. Она сбросила туфли и босиком во весь дух бежала за каретой –

да так быстро, что почти догнала ее. Теперь юная леди Вайсерин выглядела не напуганной, а злой и решительной.

– Сильва! – закричала Элоди. – Помоги мне!

На мгновение ей показалось, что Сильва их догонит.

Потом снова щелкнул кнут, и Элоди отбросило на жесткую деревянную скамейку у задней стенки кареты. Девочка ударилась головой о переборку, и на короткое время в глазах у нее потемнело.

Когда она снова оказалась у окошка, Сильва исчезла. Исчез даже замок. Экипаж двигался по дороге, направляясь по длинному ровному склону к широким равнинам восточного Ритерли. Снаружи в полях трудились батраки, не догадывавшиеся о ее бедственном положении.

Каждый раз, когда Элоди кого-нибудь видела, она барабанила в дверь кареты и кричала в окошко. Но люди то ли были слишком далеко, то ли не замечали ее за своей нелегкой работой.

Разочарование сменилось отчаянием, когда плодородные нивы уступили место лугам, на которых паслись коровы и овцы. От их тупого безразличия Элоди почему-то сделалось еще горше, чем от равнодушия батраков, и слезы, душившие с тех пор, как замок остался позади, так и хлынули из глаз.

Элоди рыдала, пока не выплакала все слезы. Без сил она бросилась на жесткую скамью. Карета раскачивалась из стороны в сторону, на поворотах колеса шуршали по земле. Вскоре дорога пересечет Великий путь, который ведет пря-

мо на север к Исурскому мосту и в леса за ним – до самого Идиллиама и замка короля Брутана.

Элоди не сомневалась, что похитили ее именно прислужники короля. Каким-то образом Брутан узнал, кто она такая, и приказал привезти к себе.

Что он сделает со своей дочерью, когда она окажется в его власти? Элоди понятия не имела. Лорд Вайсерин постоянно говорил ей, что король Брутан – ревнивый и жестокий тиран: железной хваткой он держится за престол Торонии и не выпустит его ни за что.

Даже если для этого придется убить законную наследницу.

Экипаж ускорился, проезжая через поля Ритерли. Каждая новая миля и каждая слезинка Элоди все больше отдаляли ее от замка Вайсеринов – ее дома.

И от ее мечты стать королевой.

Глава 5

– Что ты видишь? – спросил принц Нинус. Он сидел в углу камеры, обхватив руками колени и медленно раскачиваясь взад-вперед.

– Ничего, – прошипел в ответ Гальф. – Сейчас ночь. И давай потише.

На самом деле, прижавшись лицом к дыре в крыше, Гальф видел довольно много: слабые вытянутые тени, отбрасываемые луной на городские крыши, мерцающие огни за тысячами крохотных окон, звезды, горевшие искрами в ночном небе.

Идиллиам столь прекрасен!..

Гальф протиснул голову в дыру. Она была такой узкой, что на один ужасный миг ему показалось, что он застрял. Какая картина открылась бы тюремщику с утра – безрассудный мальчишка свисает с балок с застрывшей головой, а его руки и ноги безвольно болтаются, как веревки. Он извернулся, поднажал и наконец протиснул голову. Потом сделал глубокий вдох, ожидая холодный свежий воздух... но позабыв, что рядом сточная труба. Вонь была неопишущей.

Нинус опять окликнул его из камеры, но в этот раз его голос звучал приглушенно. Гальф снова просунул голову внутрь, выдернув ее из узкого отверстия, как пробку из бутылки с вином.

– Тебе нужен еще свет? – поинтересовался Нинус. Он подошел к столу и размахивал из стороны в сторону масляной лампой. Движущийся свет отбрасывал странные тени на его бледное лицо.

– Просто держи ее как можно выше. И не шевелись, – у Гальфа не хватило мужества сказать принцу, что для него не было абсолютно никакой разницы. – Он все еще храпит?

Оба замолкли, прислушиваясь. Сперва Гальф ничего не услышал. Затем донесся слабый звук, похожий на звук работающей вдалеке лесопилки, размеренно усиливавшийся и затихавший.

– Как младенец, – ответил принц.

– Мне таких младенцев встречать не приходилось. Представляешь, как громко он храпит, если нам так хорошо его отсюда слышно?

– А вдруг он сам себя разбудит! – лицо Нинуса исказилось от беспокойства.

Поставив лампу на стол, он метнулся обратно в угол.

– Глупости. Если Блист спит, его не колышет, что мы тут делаем. Это наш шанс, Нинус. Ты готов? – Ответа не было. – Ты готов, Нинус?

Юноша обратился к нему ясный взгляд.

– Я готов уже десять лет, Гальф.

Снова переключив внимание на крышу, Гальф просунул одну руку в дыру, а второй рукой и босыми ногами уцепился за стену камеры, как делал это раньше.

Когда рука оказалась снаружи, он вытянул ее и странным образом дернул плечом, зная, что может без вреда его вывихнуть. Кость выскочила из сустава с натренированной легкостью, позволив ему пригнуть шею неестественно близко к ключице. Изогнувшись таким образом, он пошарил рукой по крыше.

Пальцы коснулись холодной кровельной плитки, еще мокрой после вечернего дождя. Края были мягкими и крошились. Отлично. Гальф втащил руку в комнату.

– Как ты это делаешь? – спросил Нинус. Его обескровленное лицо, обращенное вверх и освещаемое колеблющимся светом лампы, выглядело бледнее луны.

– Хорошие новости, – сказал Гальф, пропустив вопрос мимо ушей. – Скоро ты уже не будешь пленником. Брось-ка мне одну из тех мисок.

Улыбнувшись, Нинус повиновался. Гальф высвободил одну ногу и подхватил вращавшуюся миску пальцами ноги, заставив принца улыбнуться еще шире. После, сжав мышцы живота, Гальф изогнулся и поднял ногу к голове. Пальцами ног он пропихнул миску в дыру, а снаружи перехватил ее вывихнутой рукой.

Снова уцепившись за стену, Гальф раздробил мягкую плитку вокруг дыры острым краем железной миски.

Когда дыра расширилась, лунный свет хлынул в камеру, озарив лицо Нинуса. На смену его улыбке пришла беспокойная бледность.

– Ты же вернешься за мной, правда? – спросил он. Слова прозвучали так жалобно, как они, должно быть, звучали из уст маленького мальчика в тот день, когда его здесь заперли.

– Почему нет? – ответил Гальф.

– Я был в одиночестве так долго. Я не хочу никогда больше оставаться один.

– Мы теперь друзья с тобой, ты и я.

Как много времени прошло с тех пор, как кто-то говорил подобные вещи несчастному мальчику!..

– Я вернусь. Обещаю.

Проломив дыру пошире, Гальф бросил миску на кровать, вправил плечо на место и легко скользнул на крышу. Встав на четвереньки, он изучил обстановку.

Железные сторожевые вышки окружали крышу со всех сторон. Гальф не заметил движения в освещенных лампами гнездах наверху, но рисковать не мог. Действовать приходилось быстро.

Двигаясь как паук, он поспешил к краю крыши и посмотрел вниз. Под водоотводами плетеная стена Сферы небесной скрывалась в глубокой тени.

Гальф хорошо видел ночью, и ему не понадобилось много времени, чтобы найти прут, достаточно тонкий, чтобы за него можно было ухватиться. Гальф свесил ноги с края крыши и стал спускаться, перебирая руками, пока не достиг клеток. Поискав еще немного, он обнаружил между прутьями дыру – достаточно большую, чтобы в нее проскользнуть. Так

он и думал!..

Мягко приземлившись на босые пятки, Гальф замер, внезапно осознав, какое безумство совершает.

Его заперли по приказу королевы вместе с неугодным принцем.

Но он сбежал.

И где оказался?

В еще одной камере, только забитой под завязку храпящим и сопящим городским отребьем. Если кто-нибудь из них проснется, Гальфу не поздоровится.

Крадучись, Гальф бесшумно пробирался через камеру. В темноте спящие заключенные напоминали мешки, сваленные в подвале. Несколько раз голые пальцы его ног задевали чью-нибудь вытянутую руку или помятое лицо. Малейшее касание заставляло его сердце биться чаще, и Гальф вынужден был прикусить губу, чтобы не закричать.

Наконец он достиг другой стороны камеры. Когда он был почти готов проскользнуть сквозь прутья в коридор, мимо неторопливым шагом прошел стражник. Гальф замер, вытянулся по струнке и крепко сжал губы, задержав дыхание. Отступать было уже поздно.

Не шевелись!

Стражник прошел мимо, повернул за угол и исчез из виду.

Гальф вздохнул и, протиснувшись сквозь решетку, оказался на площадке между камерами. Рядом, точно игрушка великана, высилась печь. Круглые крышки на большинстве

ее воздухопроводов были опущены. Огонь на ночь притушили, и во мраке открытых отверстий лишь тлеющие угли мерцали тусклым светом.

Он остановился, прислушиваясь. Едва различимый храп перекрывал слабое потрескивание углей в печи. Следуя за звуком, Гальф пробрался в дальний конец коридора, где короткий проход вел в небольшую квадратную комнату. Портьеры, расшитые сценами охоты, свисали с железных стен, но комната от этого вовсе не делалась уютней.

В середине, развалившись на продавленном стуле, сидел Блист. Обеими руками он прижимал пивную бутылку к огромному животу, который сотрясался от храпа. Голова откинулась назад, а рот широко раскрылся, демонстрируя почерневшие и пожелтевшие зубы. Коричневые слюни стекали по щеке на воротник тужурки.

А я был прав... Храпит он жутко!

Гальф подкрался поближе. Огромная связка ключей болталась у Блиста на поясе: ее было хорошо видно и можно было запросто достать.

Черный ключ от камеры принца Нинуса тихо позвякивал, стучаясь о своих соседей.

Присев за креслом Блиста, Гальф одной рукой придержал ключи снизу, а второй плотно прижал их друг к другу – так, чтобы они не болтались и не звенели.

«Что дальше, Пип?» – подумал он, желая, чтобы его подруга оказалась здесь, вместе с ним.

Ответ Пип был лишь эхом у него в голове. Но мысль о том, что она рядом с ним в этом ужасном месте, придавала Гальфу силу, в которой он так нуждался.

«Помнишь, что я показывала тебе? – казалось, говорила Пип. – Тогда, в той деревне Исура, когда нам нужны были деньги на хлеб?»

Гальф прекрасно помнил.

«Древопуты» многие месяцы путешествовали по Исуру, прежде чем их схватили и забрали в плен.

Изредка, когда зрители попадались благодарные, актерам удавалось хорошо поесть. Но большую часть времени они едва не умирали с голоду.

– Помню. – Гальфа охватили яркие воспоминания того дня, когда Пип показала ему, как обчищать карманы богатеев. Это просто: отвлекаешь собеседника так долго, чтобы успеть засунуть руку в сумку с деньгами или снять кошелек с пояса.

«Тут все дело в ловкости и беззвучности, – говорила Пип. – Сначала представь действие в своей голове, а потом делай. И самое главное – не мешкай».

По-прежнему крепко сжимая ключи правой рукой, Гальф ощупал застежку, которая крепила их к поясу Блиста. Если повернуть кольцо ключа вот так и потянуть его сяк, застежка запросто поддастся...

Храп прекратился. У Гальфа кровь застыла в жилах: Блист пошевелился, завалился на бок и так растекся огром-

ной тушей по стулу, точно вот-вот с него свалится и расплющит Гальфа в лепешку. Бутылка дернулась, плеснув теплым пивом Гальфу в лицо; стул пошатнулся, балансируя на двух ножках. Еще чуть-чуть – и он опрокинется...

Но стул качнулся назад. Живот Блиста осел, и снова раздался храп, еще громче прежнего.

Гальф схватил застежку левой рукой, повернул вот так и потянул сак. Толстый металл разомкнулся, пружина сжалась и с тишайшим щелчком связка ключей выскочила из застежки.

Сжав в кулаке свой трофей, Гальф осторожно поднялся и, не оглядываясь, вышел из комнаты. Шагая по коридору, Гальф лихорадочно представлял, как Блист проснется, обнаружит, что ключи пропали, и в бешенстве бросится за ним. Если тюремщик обнаружит, что его обокрали, то, невзирая на приказы королевы, разорвет Гальфа на куски.

Но храп не прекращался, слегка затухая по мере того, как Гальф поднимался по спиралевидному туннелю, ведущему к камере Нинуса. Вставив черный ключ в замок, он открыл дверь и увидел, что за нею его ждет Нинус. Юный принц переминался с ноги на ногу. В руках он держал стопку книг.

– Я знал, что ты справишься! – воскликнул Нинус. – Я знал!

– Тс-с! Цыплят по осени считают! Мы еще не на свободе. А зачем тебе эти книги?

– Я не могу оставить их здесь. Что я буду читать?

– Там, куда мы идем, тебе будет не до чтения.

– Почему? Куда мы идем?..

Гальф убедил Нинуса оставить все книги, за исключением одной (тоненький томик, за который он отчаянно цеплялся), затем повел юношу вниз по туннелю, пока они не достигли узкого бокового прохода.

Гальф сунулся головой за угол и втянул носом воздух.

– Сюда, – сказал он.

– В самом деле? – спросил Нинус. – Тут ужасно воняет.

– Так точно.

Проход был коротким и вел в небольшую комнату, наполненную смрадом гниющего мяса и нечистот. Через большую решетку в потолке сюда проникал лунный свет, освещавший низкую стену с квадратной дверцей посередине.

– А там что? – поинтересовался Нинус, прижимая книгу к груди.

– Если я прав, – ответил Гальф, – то свобода.

Он потянул за ручку, и дверца с лязгом распахнулась; за ней было черным-черно. Казалось бы, куда уж хуже, – но вонь стала в десять раз сильнее.

– Ух, – выдохнул Нинус. Голос его звучал приглушенно, потому что он зажимал нос и рот рукой. – Что это?

– Мусоропровод. Я заметил его с крыши. – Гальф вдруг замолчал. – Подожди-ка... Слушай.

– Я ничего не слышу.

– Это меня и беспокоит.

Гальф весь обратился в слух, надеясь, что ошибается. Но он не ошибался. Храп прекратился.

– Кажется...

Гальф замолчал, потому что из мусоропровода наконец послышались звуки: крики, лязг мечей, торопливый топот.

– Блист проснулся! – Гальф уже жалел, что не осмелился снять один только ключ от Черной камеры, а забрал всю связку.

– Может, он сюда не придет, – сказал Нинус. Они прислушались. Гомон становился все громче.

– А может, напрямик отправится проверить самого ценного своего заключенного, – заметил Гальф.

Прежде чем Нинус успел ответить, Гальф затолкал его в мусоропровод. Затем, задержав дыхание, перекинул ноги через край отверстия и нырнул следом.

Спуск оказался быстрым и... вонючим. Стенки мусоропровода были гладкими и маслянистыми, и Гальф старался не думать о том, что это за гадость вокруг. Он просто прижал руки к груди, закрыл рот, зажмурился и скользил-скользил-скользил...

Труба выплонула его в отстойник, до краев полный отвратительной вязкой жидкости. Плюхнув внутрь, Гальф забултыхал руками в вонючей жидкости, чтобы не погрузиться в нее с головой. Волны лениво прокатились к дальнему краю отстойника, где пузырящийся водоворот утягивал сточные воды вниз в какой-то невидимый слив.

Сфера небесная над головой у Гальфа предстала огромным гнездом из железных прутьев, неправдоподобно громоздившимся на деревянных опорах. За ее плетеными стенами туда-сюда мелькали факелы; поиски шли полным ходом.

– Сюда! – На краю отстойника сидел некто похожий на уродливого коричневого тролля и тянул безобразные руки к Гальфу. – Скорее, пока тебя не засосало!

Троль провел рукой по лицу, обнажая знакомые черты принца Нинуса, которого невозможно было узнать под слоем грязи.

Нинус схватил Гальфа за воротник и помог ему выбраться.

– Я потерял свою книгу. – Выражение лица у юного принца стало отчаянным. – Со сказкой о добром короле и злом волшебнике. Мою любимую.

– Мы найдем тебе другие книги, – утешил принца Гальф. Потом он швырнул ключи Блиста в отстойник, и они, чавкнув, утонули в грязи.

Принц Нинус схватил Гальфа за руки. Гальф удивленно заметил, что его грязное лицо озаряет сверкающая улыбка, точно он и вовсе позабыл о потерянной книге. Гальфа поражало то, как быстро у принца меняется настроение.

– Ты прав! – закричал принц Нинус и закружил Гальфа в неуклюжем танце. – Мы свободны! Мы справились! Ты справился! Я никогда этого не забуду, Гальф. Никогда!

Гальф не представлял, каково это – почувствовать вкус свободы после десяти лет в тюрьме. И хотя времени оставалось совсем мало и нужно было уходить, пока не пришли охранники, он – грязный и вонючий – плясал вместе с принцем под бдительным взглядом растущей луны.

Глава 6

– Держась в тени, Гальф и Нинус крались по извилистым улицам Идиллиама. Здания с деревянными перекрестиями балок нависали над ними, верхние этажи накренились так сильно, что крыши почти соприкасались.

Беглецы шли мимо мастерских, лавок и простых неприметных домов; окна везде были темными, а двери закрыты на ночь. Зубчатые линии крыш рассекали лунный свет на тонкие, как лезвие, лучи, сквозь которые беглецы проносились, точно привидения.

Сначала Гальф разрешил принцу идти первым, но вскоре стало ясно, что Нинус не больше него знает, где они.

– Кажется, мы заблудились, – сказал Нинус, остановившись на краю небольшой площади, где пересекались семь узких улочек. В центре, над колодцем, на ржавой цепи показывалось ведро, и скрип его разносился в ночной тишине. – Я и представить себе не мог, что город так сильно изменился с тех пор, как отец упрятал меня под замок.

– Ты что-нибудь узнаёшь? – спросил Гальф, с тревогой оглядываясь через плечо.

– Да. Нет. Вроде как. Просто половина окон заколочена, водостоки протекают, и все такое грязное...

Гальф уставился на изгвазданную одежду Нинуса, а тот – на него.

И оба разразились смехом.

Вдруг из дома на площади выскользнул человек в лохмотьях и заковылял вперед, что-то бурча себе под нос. В такт каждому шагу он делал глоток из глиняного кувшина. Дойдя до колодца, незнакомец пере гнулся через каменный парапет, и его вырвало. После он продолжил свой путь, направляясь к юношам и по-прежнему прикладываясь к кувшину.

Гальф потянул Нинуса за собой в темный переулок возле каменного здания – подальше от пьянчуги. Табличка на двери гласила «Прачечная». Объявление под ней было написано от руки, явно впопыхах: «Зокрыто на ниопридиленнный срок». Где-то поблизости раздался звук льющейся воды. Когда гуляка, пошатываясь, прошел мимо, Гальф понял, что тот разговаривает не с самим собой, а с кувшином, в котором плещется вино.

– Уж-сные времена, – бормотал мужчина. – Уж-сные. Но... у меня есть ты. Мой единс-ный друг. Ты да я. Ужс-ные времена. – Баюкая кувшин, как ребенка, он растворился в ночи.

– Пойдем, – сказал Нинус, потянув Гальфа за рукав.

– Погоди, – Гальф двинулся в конец переулка, где из стены прачечной торчала труба.

Из нее мощной струей лилась вода и бежала к глубокому водостоку в булыжной мостовой. Встав под этот импровизированный кран, Гальф позволил воде омыть его с ног до головы и растворить вязкую грязь, прилепившуюся к его одеж-

де и телу. Он промок насквозь и продрог, но так до конца и не отмылся. *Ну, хоть снова чувствую себя человеком.*

– Нам нужен план, – сказал Гальф Нинусу, когда тот занял его место под шумной струей. – Из тюрьмы-то мы сбежали, но теперь надо решить, *куда* мы бежим.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался Нинус, скользящая грязь с одежды.

– Ты сам сказал. В Идиллиаме творится черт знает что, и любой солдат Королевского легиона запросто может нас схватить. Что толку здесь оставаться?

Нинус покачал головой.

– В одиночку далеко не уйти. Мать всегда говорила: если пересечешь Идиллиамский мост, твоя жизнь будет только в твоих руках. Внешний мир жесток.

– Все не так плохо. К тому же ты будешь не один, а со мной и моими друзьями.

– Какими еще друзьями?

– Труппой «Древопуты». Они должны быть где-то в замке. Сможем их найти – удерем из города вместе. А если нам удастся перебраться по мосту обратно в Исур – все будет в порядке. – Принц нахмурился пуще прежнего, и Гальф заппулся. – Я не говорю, что зарабатывать на хлеб там будет просто, но, по крайней мере, мы будем свободны.

Нинус вышел из-под трубы, с него стекала вода.

– Прекрати эти разговоры, Гальф, – нахмурился он. – Прекрати сейчас же. Мы идем к королеве. Оба.

– К королеве? Ты с ума сошел? Она-то и отправила меня в тюрьму.

– Но не меня. Мать меня любит, Гальф. Она прислала тебя мне на выручку, и когда узнает, что ты на самом деле помог мне сбежать... ну, она и тебя полюбит, точно говорю.

Соблазн поверить Нинусу был велик, но Гальф остался при своем мнении. Действительно ли королева Магритт все предвидела или отправила Гальфа в камеру к сыну вместо игрушки, чтоб тот не помер со скуки?

– Ну, не знаю, – протянул Гальф.

– Ты говорил, что твои друзья в замке, – произнес Нинус, сжав руками узкие плечи Гальфа. Хватка была больной, но Гальф ее выдержал. – Моя мать тоже там. Как видишь, нам по пути. Мы должны держаться вместе, Гальф. Просто должны. Поодиночке мы бы сюда не добрались.

– Может, и так.

– Значит, ты не покинешь меня? – Хватка принца стала еще крепче, пальцы сильнее впились Гальфу в плечи. – Обещаешь?

– Обещаю.

Гальф проследовал за Нинусом на площадь. Вскочив на низкий парапет колодца, принц осмотрел по очереди каждую из семи улиц.

– Эта! – сказал он наконец, указывая на ту, что была чуть шире и прямее других. На дальнем ее конце возвышалась каменная стена – один из бастионов замка Тор. – Не знаю,

почему я не заметил раньше. Спорю на что угодно: замок не изменился. Идем.

Радостно сияя, Нинус бросился вниз по улице, прямо к замку. Гальф плелся позади.

Пока они прятались в переулке, луна зашла, лишив мир своего серебряного света. На востоке заря окрасила небо в красный – цвет приближающегося пожара...

* * *

Стена замка возвышалась огромной тенью. Пока Нинус рассматривал холодную кладку синевато-серого камня, Гальф тщетно искал вход.

– Нам не пройти, – сказал он, вернувшись к принцу.

На небе поднималось солнце, разгоняя мрак над бастионом, и Гальф с тревогой ощущал свою незащищенность. Он покинул бы город прямо сейчас, не будь уверен, что друзья его по-прежнему заточены в замке.

– Там, наверху, – Нинус указал на небольшое окошко высоко в стене. Внутри мерцал желтый отблеск свечей. – Мне кажется, это покои моей матери.

– И как это нам поможет?

– Можно туда забраться.

Гальф провел руками по истершейся каменной стене, ощупывая ее глубокие выемки и щели.

– Я-то, возможно, справлюсь, но ты?.. Мне все-таки ка-

жется, что лучше бы найти...

Но Нинус уже карабкался на кучу бревен, сложенных у стены. Поплевав на ладони, он уцепился за стену и стал перебирать руками. Принц двигался с поразительной быстротой, но его неуклюжесть тревожила Гальфа.

– Помедленнее, – сказал акробат, поднимаясь следом. – Давай я пойду первым.

Обогнав Нинуса, он, не задумываясь, стал карабкаться вверх. Как приятно – чувствовать, как твои ловкие пальцы рук и ног сами находят опоры в стене. Точно так же было, когда он выступал перед толпой: мозг полностью выключался, а тело делало свое дело.

Вскоре Гальф оказался метрах в десяти над землей, и вид оттуда открылся головокружительный. На юге поднималась Высокая гора, а мост над пропастью вселял надежду на спасение.

Забудь пока об этом, Гальф. Просто лезь вверх.

– Смотри на меня, – шепнул он Нинусу, приглушив голос, насколько это было возможно. – Ставь руки и ноги там же, где и я.

Гальф уже было поверил, что все у них получится, когда снизу послышался крик. Гальф опустил взгляд – и тут заметил, как руки Нинуса отпускают стену. На секунду ему показалось, что принц парит над землей, как вдруг его бледное лицо, обращенное к Гальфу, исказилось от ужаса.

Нинус упал.

И рухнул прямо на кучу бревен. Раздался оглушительный треск. Бревна разлетелись, сбросив принца на землю, и показались по мощеной мостовой прямо к расположенной неподалеку таверне. Они ударились о коновязь и с грохотом остановились в беспорядке, как сбитые кегли.

– Нинус! – прошипел Гальф и кубарем скатился по стене. – Нинус! Ты в порядке?

– Думаешь, кто-нибудь услышал? – простонал принц. Гальф уже был рядом. Прежде чем он успел ответить, из тени выступили двое мужчин в бронзовых доспехах и надетых сверху малиновых туниках – цвета Королевского легиона. Длинные палаши, вынутые из ножен, сверкали в рассветных лучах.

– Кто здесь? – спросил первый легионер, размахивая оружием. Скрипнули кожаные сапоги – его товарищ обошел беглецов сзади, отрезая им путь к бегству.

– Нам очень жаль, – ляпнул Гальф, подавляя охватившую его панику. – Мы... ну... мы все уберем.

Солдат посмотрел на разбросанные бревна: каждое было размером с небольшой дуб. Потом фыркнул и шагнул к беглецам.

Каждый нерв в теле Гальфа звенел.

«Надо было идти к мосту, когда был шанс», – думал он, лихорадочно соображая, смогут ли они скрыться от солдат в лабиринте переулков за таверной.

– Разве вы не знаете, кто я? – спросил вдруг Нинус, гордо

подбоченившись.

Гальф в ужасе уставился на него. Он надеялся, что солдаты не догадаются, что именно они сбежали из Сферы небесной.

Улыбка на лице первого легионера сменилась выражением замешательства. Но тут его товарищ воскликнул:

– Клянусь звездами, Томас, это они!

Не дожидаясь, пока первый солдат отреагирует на эти слова, Гальф бросился к таверне. Не успел он сделать и двух шагов, как сильная рука ухватила его за шиворот.

– Ну что, обойдемся без церемоний? – усмехнулся легионер, которого звали Томасом.

Гальф трепыхался, отчаянно пытаясь вырваться, и сдался только тогда, когда солдат сунул ему под нос свой меч.

– Не давай мне повода прикончить тебя, малыш, – сказал мужчина. – Тебя-то никто не хватится – не принц все-таки.

У Гальфа не было иного выбора, кроме как перестать сопротивляться и обмякнуть. От горького разочарования во рту горчило. А свобода была так близка!..

Тем временем другой легионер схватил Нинуса за руку. Вместе с Гальфом их отконвоировали за угол и провели через узкий дверной проем. Нинус болтал такое, что акробат только морщился.

– Подумайте о том, что мы можем предложить вам, – лепетал принц. – Я принц Нинус, сын короля и законный наследник короны Торонии. Отпустите меня, отпустите нас, и

вы не пожалеете...

– Успокойся, парень, – отрезал Томас. Легионеры провели их по извилистым переходам и остановились, когда вошли в небольшую комнату. На железных крюках, вбитых в стены, болтались кусища мяса. Стылое помещение пропиталось приторным сладковатым запахом солонины.

– Мы под скотобойней, – прошептал Нинус. Томас повел юношей между висящими тушами. Гальф вздрагивал каждый раз, когда касался холодного куска плоти. На полке грудой были свалены овечьи головы, жуткие черепа с ободранной кожей безучастно таращились на пленников пустыми глазницами.

«А вдруг нас ждет такой же конец? – с ужасом подумал Гальф. – Вдруг нас затем сюда и привели?»

Шедший следом Нинус перестал болтать, и теперь лицо его было бледнее обычного.

Оказавшись на другом конце комнаты, Томас отодвинул разделанную свиную тушу, за которой скрывалась деревянная дверь. Потом открыл ее, и легионеры втолкнули Гальфа с Нинусом внутрь. Не успели те подняться на ноги, как дверь с грохотом захлопнулась. Послышался звучный щелчок – ключ повернулся в замке.

Гальф огляделся. Они находились в комнате размером не больше Черной камеры. У одной стены стояла двухъярусная кровать, у другой – низкий стол с парой зажженных свечей. Окон не было, воняло крысами и сыростью.

– Нда-а, в Сфере небесной нам было бы лучше, – вздохнул Гальф.

Как странно: эта комната будто ждала именно их. Еще больше удивляло, что спрятана она была в кладовой.

– Пожалуй, ты прав. – В широко открытых тусклых глазах Нинуса читался страх. – Ты видел их туники? Это солдаты из легиона. Королевского легиона. – Он поднес дрожащую руку к лицу и потер щеку. – Ох, Гальф, они, как пить дать, пошли за моим отцом!

В замке опять заскрежетал ключ, и ручка повернулась. Нинус вскрикнул. С пересохшим горлом Гальф попятился к столу и толкнул его с такой силой, что одна из свечей зашипела и погасла.

Схватив дымящийся подсвечник, Гальф выставил его перед собой как меч.

– Вы не возьмете меня без боя!

В дверном проеме показались две фигуры.

– Мама! – воскликнул Нинус. Он бросился к первой, но притормозил, и радость на его лице сменилась нерешительностью. – Мама?

Королева Магритт открыла свои объятия и улыбнулась сквозь внезапно хлынувшие слезы.

– Мой мальчик, – прошептала она. – Мой бедный мальчик.

Она подхватила его, крепко обняла и укутала подолом длинного пышного платья. Пока принц рыдал у нее на груди,

она смотрела у него над головой прямо в глаза Гальфу.

Тот понял, что все еще размахивает подсвечником. Он предполагал, что выглядит глупо, но не мог заставить себя опустить его. Последний раз, когда он видел королеву, она обозвала его уродливым чудовищем и заперла в самом жутком месте, которое он когда-либо видел в своей жизни.

Однако... сейчас королева Магритт была совсем не похожа на ту женщину, которую он запомнил накануне, в день представления. Сейчас она выглядела менее царственной, более мягкой. Доброй. Может, то была просто-напросто уловка? Может, ее жестокие слова были лишь частью сложного плана по спасению сына?

К удивлению Гальфа, королева ему улыбнулась.

Опустив подсвечник, он осторожно кивнул.

Спутник королевы ступил в круг света, отбрасываемый оставшейся свечой, и Гальф ахнул. Это был капитан Оссилиус, тот самый человек, что отвел его в камеру в Сфере небесной.

– Ты находчивый молодой человек, – сказал капитан.

Он приложил один палец к виску, приветствуя Гальфа. Не до конца веря в происходящее, мальчик только и мог, что с удивлением уставиться на него.

Наконец королева Магритт ослабила объятия и отстранилась от сына. Она долго и пристально смотрела на него, будто была не в силах поверить, что наконец его видит.

– Мой мальчик, – произнесла она снова. Затем поверну-

лась к Гальфу. – В ту минуту, когда я увидела твоё выступление при дворе, я поняла: ты тот, кто нужен. Умный, проворный. Если кто и может помочь моему сыну вырваться из того ужасного места, так это ты. Поэтому я благодарю тебя, искренне и от всего сердца!

– Не за что, – сказал Гальф. – Хотя я не уверен, что на самом деле понимаю...

– Знаю. И прошу прощения за ужасные слова, сказанные вчера. То была просто игра – ты ведь знаешь толк в актерстве. Я хотела убедиться, что все выглядит убедительно, иначе король бы что-нибудь заподозрил. Ты же понимаешь меня?

Было странно слышать, как королева просит его о прощении. Впрочем, с тех пор как Гальф очутился в Идиллиаме, с ним случилось немало странностей.

– Я не... то есть... кажется, я вас понимаю, – пробормотал он. – И, по-моему, все сложилось как нельзя лучше.

Слегка нагнувшись, королева поцеловала его в щеку. Её губы были мягкими, а в дыхании чувствовался легкий запах клубники. В уголках глаз теснились маленькие морщинки, делавшие Магритт немного старше, чем сперва показалось Гальфу. И ещё – немного печальнее.

Уже не в первый раз он задумался о том, какой была бы его собственная мать.

– Мои люди следили за вами всю ночь, – сказал капитан Оссилиус, тихо притворив за собою дверь. – Мы полагали,

что вы придете в замок, и подготовили эту комнату. Здесь вы будете в безопасности. Вас никто не найдет.

– А что с Блистом? – поинтересовался Гальф. – Я украл у него ключи. Не думаю, что это его обрадует.

– Его обрадует кошелек с серебром, который я ему вручил, – ответил Оссилиус. – Он будет держать язык за зубами.

– Или лишится головы, – добавила королева Магритт так резко, что Гальф вздрогнул.

Пока она разговаривала с Гальфом, Нинус отошел в угол комнаты. Сейчас он сидел на корточках, раскачиваясь взад-вперед, и выглядел точно так же, как тот потерянный, покинутый мальчик, которого Гальф впервые встретил в Сфере небесной. Королева Магритт подошла к нему.

– Теперь, мой дорогой сын, – восторженно произнесла она, – мы должны продумать план. Некоторое время ты побудешь здесь, в полной безопасности, но я не хочу, чтобы ты оставался пленником дольше, чем это нужно, какой бы уютной ни была камера.

Она подняла Нинуса на ноги.

– Хочу сразу сказать тебе о короле Брутане, – продолжила королева. – Я ненавижу его за то, что он упрятал тебя в тюрьму. Я хочу, чтобы ты знал это, Нинус, и верил мне. Твое тюремное заключение – не моих рук дело. Веришь?

– Верю, мама, – ответил Нинус.

– Хорошо. Но ты не единственный, кого предал Брутан. – Ее губы дрогнули, и она сцепила руки, пытаясь унять охва-

тившее ее волнение. – Есть еще трудность, связанная с Калией... То, что он делал с этой ведьмой... закрутил интрижку... Я никогда ему этого не прощу. Никогда! Променять меня на нее... – Судорожно сглотнув, она продолжила: – Итак, к плану. Ты должен занять трон, Нинус. Он твой по праву, и клянусь всем, что мне дорого, он в самом деле станет твоим. Король Брутан будет свергнут, и ты займешь его место!

Она остановилась; ее тяжелое дыхание было отчетливо слышно во внезапно наступившей тишине.

– В этом твою мать поддерживает Легион, – сказал капитан Оссилиус. – Тирании Брутана надо положить конец.

Гальф уставился на них. Возможно, Нинус и был наследником Брутана, но неужели они и правда считают, что этот несчастный мальчик годится в короли? Гальф не мог представить, как Нинус заботится о щенке, не то что о целом королевстве!..

Однако, похоже, идея пришлась принцу по душе. Его плечи (они были шире, чем у Гальфа, но не такие мускулистые) распрямились, а подбородок вздернулся. Казалось, Нинус вновь воспрял духом.

– Я... я буду хорошим королем, – сказал он, серьезно кивая. – Я буду милостив к своему отцу. Дам ему небольшой замок во внутренних землях Торонии. Пусть доживет там свои дни.

– Как пожелаешь, – сказала королева.

– А Тысячелетняя война, – Нинус распалялся все больше,

явно почувствовав вкус к новой роли. Выставив вперед руку, он будто бы обращался с речью к жаждущей толпе: – я положу ей конец. Мой народ нуждается в мире. У всех будет вкусная еда, и празднества каждый вечер, и я объеду королевство, чтобы все могли увидеть своего правителя. – Он обернулся и хлопнул Гальфа по спине: – А ты, Гальф, всегда будешь рядом со мной. Мой первый придворный. Если бы не ты, меня бы здесь не было!

Гальф не знал, что и сказать. Хотя он уже начал привыкать к скорости, с которой менялось настроение Нинуса, это было уж слишком даже для него: от раздавленного тяготами жизни пленника до будущего короля – и все это в мгновение ока.

– Нинус прав, – подтвердила королева Магритт. – Когда он сядет на трон, ты должен быть рядом. Ты стал нам другом, Гальф.

Гальф провел рукой по своему акробатскому костюму, грязному, разошедшемуся по швам. Бродячий артист – придворный. Это еще забавнее, чем Нинус-король. И все же... Если Магритт права и когда-нибудь такое случится, все будет по-другому. Никаких больше насмешек, ехидных замечаний о его внешности, хохота за спиной. Мысль об этом казалась невероятной.

Остальные наблюдали за ним с надеждой.

– Конечно, Нинус, – сказал Гальф, – почти за честь. Раздался осторожный стук в дверь. Наполовину обнажив меч,

капитан Оссилиус с осторожностью ее приоткрыл. Гальф услышал бормотание, затем дверь полностью отворилась, и в комнату вошла молодая светловолосая женщина в белом фартуке. Она несла поднос с едой. Вместо железных мисок, как в Сфере, здесь были фарфоровые тарелки, а вместо жесткого мяса и безвкусной каши – изысканные фрукты и свежайший хлеб, все еще дышавший жаром печи.

– Это Лиммони, – сказала королева. – Кроме меня и капитана Оссилиуса она – единственная, кто знает, что вы здесь. Каждый день она будет приносить вам еду и убирать комнату. Если захотите послать мне весточку – передайте вместе с Лиммони.

Щелкнув пальцами, королева отослала капитана Оссилиуса вглубь комнаты.

– А теперь давайте приведем их в порядок, – приказала она.

– Да, Ваше Величество, – откликнулся Оссилиус.

Он снял с плеча сумку и вытряхнул на кровать груду одежды. Нинус ахнул и провел рукой по тонкой и легкой ткани.

– Позже Лиммони принесет воды, чтобы вы могли вымыться. – Королева слегка сморщила нос и только этим и выдала свое недовольство. – А пока позвольте нам хотя бы одеть вас поприличней. Сперва ты, Нинус. Лиммони, пожалуйста, проводи нашего гостя наружу, пока не придет его очередь.

Лиммони поставила поднос и провела Гальфа назад в кла-

довую. Он вздрогнул, когда коснулся свиной туши, за которой скрывалась дверь. Женщина сжала его руку.

– Не бойся мертвых, – сказала она.

Она улыбалась, но улыбка, казалось, не подходила ее лицу. Тусклый свет падал ей на лоб и щеки под причудливыми углами. Гальфу вдруг почему-то показалось, что видит он ее одновременно с разных сторон.

– Вот. – Лиммони достала яблоко из кармана фартука. – Они замечательные.

Гальф взял ярко-зеленое яблоко и впился в него зубами. Сок потек по его подбородку. Мальчик никогда не пробовал ничего вкуснее.

Еле слышно Лиммони произнесла:

– Они тебя используют.

Гальф прекратил жевать, неуверенный в том, что правильно расслышал.

– Прошу прощения?

– Королева использовала тебя, чтобы спасти сына.

– Я знаю.

– Ты ей снова понадобишься. Скоро. Не верь ей. Не верь никому из них.

Гальф сглотнул, чуть не поперхнувшись непрожеванным куском. Пытаясь прокашляться, он почувствовал, как Лиммони вложила что-то ему в руку.

– Это тебе, – прошептала она. – Держи при себе. И спрячь. Вот твой настоящий друг.

Она наклонила голову. Резкие тени очертили ее лицо.

– Как и я. – С этими словами женщина развернулась и пошла прочь мимо висящих рядами туш.

– Подожди! – окликнул ее Гальф. – А они не спросят, куда ты делась?

Лиммони оглянулась на него через плечо.

– Они уже почти забыли, что я здесь была, – сказала она. – Будь осторожен, Гальф.

И она исчезла.

Гальф растерянно заморгал. И что это значит? Он мысленно повторил ее имя: Лиммони. Кто она? И почему пыталась ему помочь?

Он раскрыл ладонь и увидел сложенную кольцом золотую цепочку, на которой висел драгоценный камень зеленого цвета. Форма его была причудливой: с одной стороны – гладкая шлифовка, с другой – неровности и шероховатости. Будто отпилили от целой глыбы. Камень был странным и прекрасным, прямо как эта молодая женщина.

Она сказала, что она мой друг.

Он надел цепочку на шею и спрятал под одеждой, чтобы не было видно. Когда придет его черед переодеваться, он сделает это без свидетелей. Вряд ли кто-то будет возражать.

Гальф постучал в дверь комнатухи. Когда королева Маргритт пригласила его войти, в голове акробата эхом отзывались слова Лиммони: «Не верь ей. Не верь никому из них».

Глава 7

– Тук. Тук. Тук.

Звук ударов был резким и заволаживающим. Он проник в сон Тарлана, выдернул его из глубокого темного океана, переполненного неясными ощущениями полета и падения.

Он открыл мутные глаза, и на смену тьме пришел белый свет. Света было слишком много, и Тарлан попытался поднять руку, чтобы заслонить глаза, но руки не слушались. Он попытался снова, но почувствовал, как натянулись грубые веревки, которые связывали его руки за спиной.

Тук. Тук. Тук.

Постепенно глаза привыкли. Он увидел белые облака – порывистый ветер гнал их по серому небу. Вокруг возвышались белые стены. Замок? Тарлан несколько раз моргнул и понял, что стены сделаны не из камня, а из льда – незатейливые башни и бастионы были сложены из огромных плит с острыми краями.

Тук. Тук. Тук.

Тарлан напряг мышцы живота, не обращая внимания на боль от раны на плече, и сел. Перед глазами поплыл туман, и на секунду ему показалось, что он вот-вот потеряет сознание. Затем туман рассеялся, и мальчик увидел толпу одетых в меха людей и загон, полный огромных рогатых существ. Сбоку, над пылающим огнем шипели большие куски мяса.

Запах был густым, дразнящим, и рот Тарлана наполнился слюной.

Тук. Тук. Тук.

Лосиный народ толпился вокруг красно-золотой груды на снегу. Что это такое, Тарлан разглядеть не мог. Но пока он смотрел, охотники расступились, и тут он увидел, откуда доносится стук.

Один из охотников огромным топором рубил тушу, отсекая куски мяса и передавая их своим товарищам, которые несли их к огню. Грудой в снегу был Ситан. Когда-то могущественный торрод сейчас представлял собой кровавую массу плоти и обожженных перьев.

Запах мяса встал у Тарлана поперек горла. И тут же нахлынул гнев, словно грозная лавина ринулась с горы.

Ситан мертв.

– Оставьте его в покое! – взревел Тарлан.

Он рванулся из пут, но чем больше он дергался, тем туже они затягивались. Резко выбросив ногу, он попытался подняться. Потом снова закричал, и крик его сперва перешел в рыдания, а потом в бессвязный вопль ярости.

Охотник, рубивший тушу Ситана, направился к Тарлану, размахивая топором. С каждым шагом огромные деревянные рога, украшавшие его шлем, раскачивались назад и вперед. Его сопровождали двое мужчин, но на их шлемах рогов не было.

– Поднимите его, – сказал мужчина с топором. Тарлан

продолжал кричать и извиваться, но лосиный народ был силен, а у мальчика все еще ломило тело после падения. Но хуже всего обстояло дело с раной в плече, где горящая стрела оставила глубокий след. Сражение в лесу вспыхнуло в памяти: при виде останков Ситана Тарлан мгновенно все вспомнил.

Оставалось лишь надеяться, что остальные торроды спаслись и вернулись к Мирит.

Мирит...

Жива ли она еще?

Когда стало ясно, что ему не вырваться, Тарлан расслабил мышцы. Больше усилий пришлось приложить, чтобы унять гнев. Гнев клокотал внутри него, пылая жаром, словно вулкан. Тарлан наслаждался этим чувством. Когда появится шанс выпустить на волю ярость, эти людишки получают по заслугам!

– Птичка мертва, – сказал охотник.

Он вытер испачканный кровью топор о толстые меховые шкуры, в которые был облачен. На шее он носил шейную гривну – зазубренную железную штуковину, наполовину ожерелье, наполовину нагрудник. Тарлан предположил, что он вождь. Очень хорошо. Значит, умрет первым.

– Он не был птицей, – сказал Тарлан. – Он торрод. Вождь лосиного народа пожал плечами.

– Тяжелые времена. Король забыл про Яласти и его народ. Мы должны брать то, что можем взять, а эта птица обеспе-

чит мой народ пищей на много дней. — Он протянул кусок сочащейся плоти. — Хочешь?

Тарлан набрал слюны и плюнул вождю в лицо. Один из мужчин, державших его, дважды наотмашь ударил его по голове. Усмехаясь, вождь лосиного народа поднял свой топор и приставил лезвием к горлу Тарлана. Тот вздрогнул. Не из-за прикосновения холодного металла, а от невыносимого ощущения того, что кровь Ситана бежит по его шее.

— Если ты друг торродов, — сказал вождь, — значит, мне ты не друг. Я не люблю ведьминых учеников. Я собирался отпустить тебя... но уже передумал.

Он коротко кивнул своим спутникам, и те навалились на Тарлана, лишив его шансов на спасение. Вождь поднял топор. Лезвие вспыхнуло белым, отражая бегущие по небу облака и голые ледяные стены. Тарлан злобно ощерился. Он не хотел, чтобы эта тварь видела его испуганным.

Топор замер в воздухе. Вождь ухмыльнулся и в следующий миг обрушил его на незащищенное горло Тарлана.

Приготовившись умереть, Тарлан мог думать только об одном.

«Прости меня, Мирит. Я подвел тебя».

Вдруг налетел порыв холодного ветра, и над ними мелькнула чья-то тень.

Топор просвистел мимо Тарлана и, завертевшись в воздухе, упал поодаль в сугроб. Пальцы вождя лосиного народа по-прежнему сжимали деревянную рукоятку, когда его рука,

отсеченная по плечо, отправилась вслед за оружием.

Вождь рыкнул и поднес другую руку к обнажившейся красной плоти. Кровь била фонтаном, окрашивая снег в алый цвет. Снова мелькнула тень, взвихрился воздух, и на этот раз Тарлан увидел, кто тому причиной – огромная золотая птица, летевшая низко и быстро, так быстро, что ее невозможно было разглядеть.

– Тита! – закричал он.

Клюв торрода сомкнулся на поясище вождя и перекусил его тело надвое. Ударив своими огромными крыльями, Тита круто развернулась и перебросила туловище через стену.

Ноги рухнули на землю.

Один из мужчин, державших Тарлана, ослабил хватку. Дернув плечом, Тарлан отшвырнул другого. Оказавшись наконец на свободе, он бегом бросился по снегу к упавшему топору.

К тени Титы добавилась еще одна. Тарлан взглянул вверх – Нашин стремительно спускалась. Со своей белой грудью она была почти неразличима на фоне облаков. Ее клюв был широко открыт и готов к атаке. Длинные перья распростертых крыльев переливались, как жидкое золото. Как и Тита, она не издавала ни звука.

И если торроды нападали молча, то на земле царили шум и суматоха. Мужчины и женщины бросились врассыпную, выкрикивая распоряжения и стуча оружием по щитам. В загоне лоси встали на дыбы, мыча от беспокойства.

Тени торродов мелькали над толпой, проносясь снова и снова в бесконечном хороводе. Длинные когти глубоко впились в тела охотников, когда птицы хватали их одного за другим и бросали на стены ледяного форта. Крики переросли в вопли, а суматоха – в полный хаос. Но гигантские торроды по-прежнему хранили молчание.

Добежав до топора, Тарлан упал на колени. Не обращая внимания на истекшую кровью руку вождя, он попытался повернуться, собираясь перерезать свои путы о лезвие. Но головка топора воткнулась в землю, а боль в правой руке Тарлана была столь сильной, что сколько он ни пытался, но вытащить оружие не мог.

– Позволь мне.

Тихий хлопок перьев – и Тита опустилась в снег рядом. Расправив над ним крылья для защиты, она опустила свой ужасный клюв к его запястьям и осторожно перекусила веревку.

– Там! – Один из охотников их заметил.

Сняв со спины лук, к Тарлану устремилась женщина, на бегу прилаживавшая стрелу к тетиве.

Прежде чем Тарлан успел пошевелиться, появилась Нашин. Спикировав вертикально с ошеломительной скоростью, она вдавила лучницу в снег и снова взмыла вверх. С ее когтей стекала кровь.

– Идем, – сказала Тита, подталкивая Тарлана клювом.

– Подожди!

Тарлан подошел к раздавленным останкам женщины и подобрал ее лук и колчан со стрелами. Взметнув снежный вихрь, перед ним внезапно вырос мужчина, который вопил и размахивал длинным мечом. Недолго думая, Тарлан вытащил стрелу из колчана, натянул лук и выстрелил ему в горло.

– Идем, – снова позвала Тита.

Тарлана не нужно было больше уговаривать. По снегу к нему спешили другие охотники, возглавлял которых настоящий великан в шлеме, не менее впечатляющем, чем у их бывшего вождя.

Ухватив Титу за перья, Тарлан вскарабкался ей на спину. Боль пронзила его тело в десятке разных мест.

– Лети, Тита! – сказал он. – Давай убираться отсюда. Тита поднялась в воздух до того, как слова сорвались с его уст. На противоположной стороне форта Нашин атаковала цепь охотников, которые взбирались с луками и стрелами на верхушку ледяной стены. Лосиный народ явно надеялся сбить торрода, стреляя сверху. Нашин летела вдоль зубчатой стены, прореживая когтями их ряды. Когда она достигла дальнего конца, все они лежали мертвыми в снегу.

Тита сделала один прощальный круг над фортом. Белый снег и лед покраснели от крови охотников, вид омрачило лишь изрубленное тело бедного Ситана. Пролетая в последний раз над останками старшего торрода, Тита испустила грустный вопль.

– Мы оплачем его позже, – сказал Тарлан, вцепившись в

перья у нее на шее. — А сейчас нужно лететь к Мирит, или получится, что мы затеяли все это напрасно.

Когда они устремились прочь от форта, стоявшего на вершине одинокого заснеженного холма, Нашин полетела перед Титой, выравнивая воздушный поток, встревоженный крыльями стаи. Они мчались к горному убежищу Мирит, оставляя внизу скованные льдом деревни Яласти.

Вскоре местность стала холмистой, и перед ними выросла гора с окутанной туманом вершиной. Тарлан собирался призвать птиц лететь еще быстрее, когда из низкого облака появилась темная фигура.

— Китин! — крикнул он. — Я же велел тебе оставаться с Мирит!

Китин ничего не ответил, просто выпятил черную грудь и полетел впереди, ведя их через гору к узкому ущелью рядом с пещерой Мирит.

В снегу перед входом в ущелье лежала фигура.

— Мирит!

Тарлан прыгнул со спины Титы, прежде чем гигантская птица коснулась земли. Он грузно приземлился в снег, поднялся и, спотыкаясь, подбежал к Мирит. Положив ее голову к себе на колени, он смахнул снег с ее глаз и губ; они побледнели — холод был повсюду, но изнутри кожа ведьмы пылала жаром.

— О чем ты думала? — ужаснулся он. — Почему ты не осталась в пещере?

– Нужно было... найти тебя, – прохрипела замерзшая колдунья. Ее шелестящий как бумага голос едва прорывался через завывание ветра, что гулял в глубине ущелья.

– Я здесь, – сказал Тарлан. Внезапно он вспомнил, за чем он прежде всего направлялся. Пошарил в плаще. Осталось только два драгоценных черных листа, которые достались им такой ценой. Когда же он потерял остальные?.. Но это уже не имело значения.

Листья дрожали в его трясущихся руках.

– Что мне делать? Истолочь их? Заварить? Сделать мазь? Скажи мне!

Мирит успокаивающе сжала его руку, но сил у нее было не больше, чем у снежинки.

– Чернолист... успокаивает боль... больше ничего...

– Но...

– Тише. Я почувствовала.

– Что? Что почувствовала?

– Ты... Ситан... лоси... – Кряхтя, она попыталась сесть. – Тарлан, ты... ты в опасности. Охотники... они не успокоятся. Сейчас ты их добыча. Ты должен... должен покинуть Яла-сти.

– Без тебя – ни за что! – Слезы Тарлана стыли у него на щеках – твердые бусинки горя.

– Я умираю.

– Нет!

– Возьми... это, – Мирит достала из-под плаща золотую

цепочку, на которой висел осколок зеленого камня. Он качнулся, сверкая на свету, – Тарлан с восторгом смотрел на него.

– Что это?

– Покажи его Мелькиору... он знает, что делать...

– Мелькиор? Кто это?

Имя звучало знакомо, но Тарлан был пленен драгоценным камнем. Однако взять его в руки или хотя бы пальцем прикоснуться к его сияющим граням он не решался. Сделать это значило смириться с тем, что Мирит умрет.

– Мелькиор – мой старый друг...

Камень завертелся, отбрасывая холодные блики. Казалось, точно так же крутится услышанное Тарланом имя у него в мыслях, затеявших бешеную скачку.

– Волшебник, – произнес он медленно. – Мелькиор – это волшебник. Ты рассказывала мне о нем.

Мирит кивнула, она хрипло дышала, пытаясь заговорить.

– Да, – сумела выдохнуть она наконец.

– Волшебников нет. Ты говорила мне, что они давно состарились и их время прошло.

– Все, кроме одного. Все, кроме... Мелькиора. Тарлан смотрел в сторону. Его так переполняли чувства, что мысли путались в голове.

– Кто он, Мирит? И чего ты хочешь от меня? Что мне делать?

Мирит ничего не ответила. Когда Тарлан вновь повернул-

ся к ведьме, глаза ее уже подернулись тоненькой корочкой льда и смотрели в небо. Ее застывшее тело коченело в руках Тарлана, теряя жар лихорадки, которая унесла ее жизнь. Кожа колдуньи сияла ослепительной синевой зимних морозов, она стала прозрачной и, казалось, светилась изнутри. Тарлану почудилось, что где-то вверху раздался длинный печальный вздох.

Он нежно опустил ее в снег. Она лежала чистая и сияющая, как будто вырезанная из льда, который так любила всю свою жизнь.

Зеленый драгоценный камень, сверкающий, соблазнительный, раскачивался в ее застывших пальцах.

Тарлан долго сидел в снегу, не обращая внимания на пронизывающий холод. Мысли блуждали. Он был бы рад новым слезам, но, похоже, забыл, как плакать. Он точно весь оцепенел.

Спустя некоторое время Тита накрыла его крыльями и устроилась у него за спиной.

Тепло ее массивного тела и ее тихий печальный клекот немного привели его в чувство.

– Что мне делать, Тита? – спросил он. – Если Мирит хочет, чтобы я ушел, то я должен. Но куда? Если все остальные люди во внешнем мире такие же, как эти охотники, я лучше останусь здесь, с вами.

Он погладил перья Титы. Если бы только он мог летать, как торроды – он улетел бы от всего.

– Охотники! – воскликнула Нашин, и ее хриплый голос вывел его из задумчивости. – Они идут сюда!

Выглянув из-под крыла Титы, Тарлан увидел на горизонте цепочку мигающих огней. Шли ли они сюда, за ним? Трудно было сказать.

– Ты уверена, что это они? – усомнился он.

Нашин не ответила, но и ему на самом деле не стоило спрашивать. Глаза торрода в тысячу раз зорче, чем глаза человека. Если она сказала, что охотники идут сюда, значит, так оно и есть.

– Мирит права, – он посмотрел на драгоценный камень. – Она всегда была права и во всем.

Осторожно вытянув золотую цепочку из застывшей руки Мирит, Тарлан надежно спрятал украшение под плащом.

Тут же по закоченелому телу колдуньи побежали бесчисленные трещинки, и с тихим треском ее тело рассыпалось, превратилось в голубую пыль... А ветер подхватил ее и понес над горами прочь из ущелья.

– Прощай, Мирит, – прошептал Тарлан.

– Идем, – сказала Тита, подталкивая его.

– Нет, – Тарлан повернулся к огромной птице. – Ухожу я. А ты остаешься.

Тита взглянула на него своими глубокими черными глазами.

– Почему? – произнесла она наконец.

Тарлан поразился. Раньше он никогда не слышал, чтобы

торроды задавали вопросы. Они мыслили просто и обстоятельно, держа в голове лишь факты.

– Потому что... – он запнулся. Тарлан не ожидал, что будет так трудно. – Потому что вы уже потеряли Ситана. И... если я должен покинуть Яласти, то мне придется пересечь Ледяную пустошь. Это слишком опасно. Я не могу просить вас пойти со мной...

Тита отступила назад и погрузила свои когти глубоко в снег. Она выпятила грудь и расправила крылья. Ее дыхание вырывалось из клюва струей пара. Она походила на ожившую золотую статую, теплую, полную жизни в этом бесплодном зимнем ландшафте.

– Не проси, – сказала она. – Я иду с тобой.

И Тарлан наконец заплакал. Он плакал о Мирит, он плакал о Ситане. И плакал от слов торрода, сидящего перед ним, – своего верного друга.

– Ох, Тита, я надеюсь, мне никогда не придется горевать о тебе.

– Мы с вами, – сказала Нашин, плавно спустившись с неба и приземлившись рядом с Титой.

Китин тоже был тут: как всегда неразговорчивый, он кивком подтвердил свое согласие. Три торрода возвышались неприступной стеной из перьев.

– Полагаю, спорить бесполезно, – сказал Тарлан.

Кровь в правой руке пульсировала, сердце разрывалось. Но он чувствовал и радость оттого, что рядом с ним его дру-

Зья.

Помогая себе здоровой рукой, он взобрался на спину Титы. Та подождала, пока он ухватит ее за загривок, расправила крылья и поднялась в небо. Нашин и Китин последовали за ней, и три торрода вместе с Тарланом понеслись прочь от гор в сторону Ледяной пустоши.

Глава 8

– Элоди проснулась от резкого дребезжащего стука, доносившегося из-под колес. Скамейка, на которой она лежала, содрогалась, и девочка едва не упала на пол. Раскинув руки, она попыталась удержать равновесие и справиться с отчаянной тряской.

Сколько они ехали? Солнечный свет пробивался пыльным лучом сквозь узкое окошко кареты. Элоди не верилось, что она проспала всю ночь, – значит, день все-таки тот же самый. Выглянув наружу, она увидела, что солнце спустилось к западу. Скоро наступит ночь.

Коляска катила по дощатому помосту. Ниже, намного ниже, лежала широкая синяя полоса, которую она сперва приняла за океан (не то чтобы она никогда не видела моря). Затем вдали она заметила берег; выходит, это была река, не океан.

На юге нежно зеленели оставшиеся позади земли, знакомые ей поля, луга, холмы и долины.

Ритерли, ее дом! Впереди к северу тянулись бескрайние леса – таких ей никогда не доводилось видеть.

Деревья теснились, как зубы в ощеренной пасти, вонзаясь в закатное небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.